

Анна Шведова

Частные уроки рунографии

Анна Николаевна Шведова

Частные уроки рунографии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27822515

Частные уроки рунографии / Анна Шведова: Четыре четверти; Минск;

2018

ISBN 978-985-581-165-8

Аннотация

В славном королевстве Арнах разразился скандал. Правда, никто толком не знал, в чем дело, зато известно было, что замешана в этом приближенная к королю особа – придворный маг. Ходили слухи о его измене в пользу извечного врага Арнаха – Берноя, поговаривали и о гнусных интригах, которыми полнится любой уважающий себя королевский двор. В общем, скандал как скандал: виновник в темнице, правосудие намыливает веревку.

«Ну уж нет», – сказала себе энергичная и решительная дочь королевского мага и ринулась в бой. Сначала, правда, она попала к разбойникам, потом вмешалась в бернойский заговор, почти спасла жизнь королю и наконец нашла свое призвание. Заодно и папеньке помогла.

А тем временем ее великолепная тетушка, известная чтица рун, потихоньку злорадствовала над незавидным положением оскандаленного брата и не подозревала о тучах, что уже клубились над ее собственной головой. Да что тучи! Ураган!

Потерять компаньона, найти любовь всей своей жизни, попасть в зависимость к злобному колдуну, практически умереть – и все это всего за несколько дней! Руны ли тому виной? Или это вина заставляет взяться за руны? Мы их читаем или это они читают нас и выбирают для нас дороги?..

Живое повествование, динамичный сюжет, хороший язык и приятное послевкусие – в романе есть все, чтобы вам понравиться!

Содержание

Терри. О прочности захлопнувшегося капкана	6
Фо. Волк в овчарне	73
Терри. Отложить атаку – не значит сдаться	81
Фо. Между молотом и наковальней	83
Терри. Самая темная ночь – перед рассветом	99
Фо. Танцы на острие ножа	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Анна Шведова

Частные уроки рунографии

Памяти Джорджет Хэйер, без чудесных романов которой эта книга могла бы и не появиться...

© Шведова А., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,
2017

Терри. О прочности захлопнувшегося капкана

Терри проснулась как от удара и несколько секунд никак не могла сообразить, что же ее разбудило: в доме было тихо. Ни шороха, ни стука, ни звука. И все-таки она проснулась и теперь вслушивалась, но единственное, что слышала – как гулко колотится сердце. К особам нервным и пугливым Терри себя не относила, а потому объяснила сама себе неясную тревогу воздействием невпопад выпитого на ночь теплого молока – молоко она терпеть не могла, но как всегда уступила настояниям кухарки, болезненно переживающей отсутствие в доме хозяина.

Хозяина и вправду дома не было. Терран Ангир, придворный маг Его Величества Веремиза Арнахского и по совместительству отец Терри, отлучился из столицы славного королевства Арнах по весьма тайным и не терпящим отлагательства делам, как обычно не сообщая, что это за дела. Ну и больно-то надо! Государственные тайны что заморский перец: для пикантности вкуса довольно и щепотки, а насыпь горсть – несварение получишь, а Терри никогда не испытывала страсти к избытку приправ. Все хорошо в меру.

Уезжаю всего на несколько дней, сурово заявил отец, поглядывая на свое непутевое дитя с долей скепсиса и снис-

хождения. На несколько чудесных дней, повторяла про себя девушка, потупив наглые синие очи и боясь спугнуть удачу, ибо эти несколько дней она планировала прожить в свое удовольствие в дивной тишине, умопомрачительном покое и относительной свободе.

И вот в первую же ночь своих заслуженных вакаций она просыпается в холодном поту и с сердцем, колотящим в грудную клетку с настойчивостью соседа, сообщающего о пожаре. Есть от чего возмутиться!

Решительно откинув одеяло и опустив босые ноги на пол, Терри села, вздохнула, заставила себя успокоиться и внимательно прислушалась. Приоткрыв рот для пущей надежности, она вслушивалась в звуки дома, подавляя нарастающий скепсис и кляня себя за излишнюю пугливость, как вдруг стук повторился. Звук раздавался вовсе не справа, не из кухни и не людской, где обычно собирались слуги – этого шума девушка бы просто привычно не заметила. Звук слышался оттуда, куда обычно ход самой Терри был воспрещен – именно это заставило ее взвиться. В первый момент девушка решила, что это вернулся отец, но будь это так, весь дом уже стоял бы на ушах, встречая требовательного и не терпящего отсутствия внимания хозяина.

А здесь явно было что-то не то. Звук был негромким, но странным, шаркающим – будто кто-то передвинул стул, не утруждая себя приподниманием его ножек. О! Воры!

Терри схватила было лампу, но ее рука замерла на полпу-

ти: если в доме грабители, с лампой в руках она будет превосходной мишенью – стреляй, коль хочешь. К источнику шума следовало подбираться незаметно, чему весьма способствовала луна, украдкой подглядывающая в высокие резные окна, террина злость на то, что ее выдернули из сладких снов, босые ступни, некстати замерзающие на холодном каменном полу, и отличное знание своего собственного дома вплоть до малейшего гвоздя, торчащего из стены.

На цыпочках, вприпрыжку, обхватив себя руками и кляня на чем свет стоит собственную непрактичность, Терри помчалась в левое крыло дома, туда, где скрытый за двумя дверями находился отцовский кабинет. Шум шел именно оттуда – и воры, похоже, таились весьма непрофессионально.

Короткая лестница в четыре ступеньки, коридор, поворот, гостиная... «Грабитель», а обнаружив, что этот некто движется в полной темноте, очень осторожно и медленно, у Терри осталось слишком мало пищи для воображения, чтобы подозревать в этом «некто» сказочную королеву эльфов, принесшую подарки ко дню рождения, трубочиста, с утра заблудившегося в огромном доме и наконец вывалившегося из камина, или королевского сыскаря, преследовавшего убийцу, но потерявшего след где-то между крышей и подвалом... Так вот, грабитель уже миновал коридор и остановился у поворота, за которым был еще один крохотный коридорчик с боковой нишей и дверью, ведущей в отцовский кабинет. Терри, задержав дыхание, всматривалась в темноту, но

так ничего и не увидела, и все-таки могла бы поклясться, что воришка здесь, недалеко, скрытый за углом, и намерения его ясны и прозрачны: кабинет Террана.

Пусть отец и был невысокого мнения об умственных и прочих способностях своей дочери, Терри очень быстро сообразила, что идя вслед за грабителем, только дает ему шанс напасть на нее – как бы она ни старалась идти бесшумно, он мог ее услышать. Почувствовала же она сама его присутствие? Конечно, она могла просто-напросто заорать благим матом, привлекая внимание слуг, и сбежать от греха подальше, но такая простая мысль как-то не пришла в голову: с чего бы ей праздновать труса в собственном доме? Разве она не в состоянии сама справиться с каким-то воришкой?

Терри осторожно отступила назад, легким ветерком скользнула в гостиную, которую редко кто посещал, остановилась и прислушалась. Тихий-тихий шорох в оставленном ею коридоре говорил о том, что грабитель усердно занят вскрытием замков на двери кабинета, а значит, ее присутствия не заподозрил. Это откровенно порадовало.

Подойдя к книжному шкафу с удручающе малым количеством пыльных фолиантов на полках (ибо не из любви к изящному слову был устроен сей шкаф, как хорошо было известно девушке), Терри пальцами ощупала выступающую наружу фигурку держателя полок, решительно свернула на бок медную голову крылатого толстого детинушки, глядящего даже в полутьме с неммым укором, потянула шкаф на себя

и протиснулась в узкую щель образовавшегося проема. Она так до сих пор и не поняла, знал ли Терран о том, что дочь обнаружила этот тайный проход в его кабинет или нет. Обычно особым тактом и доброжелательностью королевский маг не отличался и, открыв страшную правду о том, что некто (пусть и собственная дочь) проник в его святилище, наверняка устроил бы шумный и долговременный скандал. Но скандала не было. И все-таки Терри сомневалась. Столь безупречно охраняемое место, как отцовский кабинет, защищено от любого проникновения извне, и вряд ли помешанный на секретности Терран оставил такую вопиюще простую лазейку по недосмотру. Это-то и удивляло Терри. Но сейчас эта мысль мелькнула в голове и ушла, уступив место куда более насущным соображениям.

На цыпочках, затаив дыхание и чувствуя необыкновенный азарт, девушка пробежала вдоль стены огромного кабинета к двери, по пути удивленно хмыкнув: даже в полутьме ей удалось не задеть ни одну из многочисленных вещей и длинных скрученных свитков, лежащих на полках вдоль стены, ни один из столиков с множеством каких-то баночек-скляночек, реторт и жаровен. Да уж, то, что днем выглядело лежащим в идеальном порядке – расставленным строго по длине, принадлежности и степени надобности, ночью казалось просто сборищем торчащих во все стороны вещей. И при всем том отцовский кабинет был самым увлекательным местом во всем доме. И если бы не это ночное недоразуме-

ние, Терри наверняка забралась бы сюда днем, чтобы все хорошенько изучить в отсутствие отца. Но недоразумение... Недоразумение уже почти вскрыло дверь – Терри слышала несколько негромких щелчков, шипяще-приглушенное ругательство (небось, палец себе прищемил... ха-ха) и прибавила ходу, по пути прихватив внушительный медный ковш. Резко затормозила у самой двери, прижалась спиной к стене, подняла руки с ковшом вверх и затаилась в образе незатейливого уличного фонаря. Сквозь узкие щелки в задернутых шторах на окнах в кабинет пробивался скудный лунный свет, но этого освещения Терри вполне хватало для реализации ее замысла.

Грабитель осторожно приоткрыл дверь, мягко переступил порог, занес ногу для следующего шага и замер, хмыкнув и глядя на пол перед собой. В полутьме Терри видела лишь его силуэт в профиль, но поскольку он находился всего в двух шагах от нее, всматриваться надобности не было. Впрочем, раздумывать тоже. Неприлично крикнув от усердия, девушка с размаху опустила ковш на голову незнакомца, между делом поразившись необычайной чистоте и силе звука, с которым заиграла медная посуда. Грабитель машинально сделал шаг вперед и беззвучно упал навзничь, его ноги гулко брякнули о пол, на котором, к немалому удивлению Терри, неожиданно проявились искрящиеся голубоватым светом какие-то линии. С магическим зрением у нее всегда было туговато, но сейчас удалось разглядеть, что линии обра-

зовали некую фигуру, а память услужливо подсказала какую: магическую руну Орез Туггье, ту самую, что заключает все, попавшее внутрь нее, в своеобразную скорлупу и не позволяет выйти наружу. Не самый приятный подарок для незадачливого грабителя, но и для Терри это было полной неожиданностью – она, не слишком-то сведущая в магии, не знала, что с этим делать дальше.

Незнакомец пошевелился... Сел спиной к Терри, осторожно потирая затылок, но не оглядываясь.

– Это явно не Терран, – внятно и беспечно сказал он.

У Терри сердце сначала неприлично екнуло, а потом часто забилось.

Не от страха, куда там. От голоса.

Голос у мужчины был довольно низким, чуть хрипловатым и поразительно обольстительным, богатым на интонации и обертоны – в нем звучала приятная смесь легкой иронии, беспечности и поразительного спокойствия. Она, Терри, в подобной ситуации уже вопила бы от страха, а он... Он забавлялся.

– У Террана... методы другие, – с будоражащим смешком добавил незнакомец, оборачиваясь.

Бархат и шоколад, неожиданно пришло на ум Терри, его голос – темный бархат и сладко-горький шоколад, и она даже не стала задумываться, что подвигло ее к такому сравнению. Бархат словно обволакивал плечи уютом мягкого пледа, шоколад таял на губах сладким бесстыдством. Слушала

бы и слушала...

Терри нервно облизнула неожиданно пересохшие губы и решительно передернула плечами. В полутьме на полу она никак не могла рассмотреть грабителя и это беспокоило ее. Чтобы зажечь лампу, придется отойти от спасительной твердости стены, но ноги не слушались, да и приближаться к незнакомцу не хотелось... А потом она вспомнила, что стоит практически нагишом, в полупрозрачной шелковой сорочке в трех шагах от незнакомого мужчины, и в руках у нее лишь медный ковшик. Так что света как раз-таки и не надо...

Только сейчас она начала понимать, какого дурака сваяла. Это ведь не обычный грабитель, обычному воришке не пройти и трех шагов в доме Террана Ангира, помешанного на безопасности. Кое-какие магические ловушки отец ей показывал, чтобы она хотя бы имела представление о том, насколько защищен дом, но о большинстве других девушка и не догадывалась, предоставляя возможность беспокоиться о своей безопасности другим. На нее сами магические штучки не действовали: пару раз столкнувшись с тем, что Терри упорно не желает их видеть, попадает в них, а потом закатывает истерику, сидя посреди коридора и тыкаясь в удерживающую ее невидимую стену, сдавшийся папаша перестроил все магические замки так, чтобы непутевое дитя больше в передрыгу не попадало.

А человек, вошедший в сверхзащищенный кабинет королевского мага, сделал это почти так же легко, как если бы

этих магических ловушек не было вообще.

Маг, наверняка маг, – подумала Терри и тут же нервно рассмеялась про себя: какая мудрая мысль! Разве это не очевидно? От страха у нее совсем пересохло в горле. И в мозгах.

Незнакомец тем временем нагнулся, проведя ладонью над полом. И тут же болезненно одернул руку – блеклые, почти невидимые доселе линии вспыхнули серебристо-голубым, заискрились и вдруг выросли в стену от пола до потолка. Серебристая стена несколько мгновений пугала Терри своим неестественным светом, а потом резко исчезла. Незнакомец внятно пробормотал «И поделом мне», беспечно рассмеялся и неожиданно вольготно разлегся на полу, подперев согнутой в локте рукой голову.

Терри с трудом сдержала вздох облегчения. Заперт. Неопасен. Теперь можно и поговорить. Не то, чтобы она была трусихой, но опыт общения с отцом и его коллегами по магическому ремеслу научили ее осторожности.

– И что же заставило вас предпринять столь рискованную операцию? – она постаралась напустить в голос побольше беспощадной суровости и сухости. Точь-в-точь будто разговаривала с горничной Мини, подавшей лиловые туфли к зеленому платью.

– О, любопытство! – тут же весело подхватился грабитель, устраиваясь на полу поудобнее, – Дом Террана Ангира считается самым защищенным во всем Лилиене. О нем ходят легенды. Вот я и решил проверить, так ли это.

– Что, просто так решили и просто так пришли в чужой дом? – возмутилась девушка.

– Нет, не просто, – беспечно заявил незнакомец, – На спор.

– И сколько вы... проиграли? – сухо спросила Терри.

– Проиграл? – грабитель на мгновение запнулся, хихикнул, но умело перевел смешок в кашель, – О, увы, да, проиграл. Столь радикальное оружие, как... гм... медная поварешка, в мои планы не входило.

Его голос был поразительно бесстрастным, настолько бесстрастным, что на ум приходил лишь тщательно сдерживаемый смех. Ситуация его крайне забавляла, что удивляло Терри все больше и больше: какой нормальный воришка будет забавляться тем, что его сцапал хозяин дома на месте кражи?

– Могло быть и хуже, – с достоинством королевы, получившей поздравление монарха соседней страны по случаю успешно выигранной войны, ответила Терри, – Я ведь могла уронить на вас вон тот медный котел.

Сдавленный полувсхлип с пола был ей ответом, да и она сама едва сдержалась, чтобы не расхохотаться в голос. Станный грабитель ей попался.

– Ты ведь дочь Террана? – неожиданно спросил незнакомец, а мягко-бархатный, восхитительно сладкий голос вдруг стал серьезным и немного печальным.

Терри медленно кивнула, совершенно забыв, что в темноте он ее не видит. Ей не было нужды отпираться. И так по-

нятно, кому еще Терран позволит шляться по дому без ограничений?

– Похоже, мне очень повезло.

И опять Терри подивилась богатству оттенков в мужском голосе. Сколько подтекста скрывала эта вполне невинная фраза!

– А вы? Кто вы? – спросила девушка, резкостью тона избавляясь от внезапной неловкости. Это ей-то неловко? В собственном доме с пойманным в ловушку грабителем? Кстати, а что с ним делать дальше? Поговорить пару минут можно, но как быть потом?

– Я? – рассеянно переспросил вор и неожиданно приуныл, прислушиваясь, – А вот и твоя армия. Слишком быстро.

Тут и сама Терри услышала отдаленные топот и крики. Слуги, каким-то образом узнавшие о вторжении, неслись со всех ног в кабинет хозяина.

– Ну что ж, тогда и мне пора, – неожиданно сказал незнакомец с улыбкой в голосе, – Не люблю, понимаешь ли, мужиков с ножами, пусть и кухонными. От них... гм... голова болит.

Терри смущенно приобняла медный ковшик, а мужчина тем временем мягко встал, безо всяких усилий переступил голубоватую магическую черту и заскользил по кабинету будто в ритме какого-то диковинного танца. Рядом с ним то здесь, то там вспыхивали цветные искрящиеся линии, но он лишь плавно изгибался, избегая касаться их. Гибкой те-

нью незнакомец добрался до окна, раздвинул шторы, распахнул створки и только тогда обернулся к застывшей в полном ошеломлении Терри.

– Очень рад был с тобой познакомиться! Очень. Ты... очень красива.

– Постойте, один вопрос! – внезапно оправилась от оцепенения девушка.

– Да, – мягко улыбнулся он. И улыбка у него, увы, под стать голосу...

– Вы давно освободились?

Он рассмеялся будоражащим тихим смешком:

– Примерно через две секунды после того, как упал.

– Значит...

– Я не хотел, чтобы ты меня боялась.

Блеснув проказливой белозубой улыбкой, он шагнул с подоконника и исчез. А Терри, открыв рот, стояла в полутьме, пытаясь удержать в голове видение худощавого мужчины с копной растрепанных темных волос и сверкнувшим красным камнем рубиновой серьги. Луна ярко освещала его гибкую фигуру, и Терри подумала, что вряд ли сможет забыть это лицо, даже если постарается.

И только потом вспомнила о его словах. Интересно, с чего это он решил, что она красива? Разве не темно было?

Молодой амбициозный маг Терран Ангир бредил сыном-наследником, достойным преемником славного древне-

го имени, немалых богатств и магического дара, но его жена случайно родила единственную дочь. Имя в честь отца, приготовленное для мальчика, слегка подправили для девочки, назвав ее Терранита, и это единственное, что Террана устраивало в своем отпрыске.

Будучи ребенком, Терри боялась собственного отца до дрожи в коленках, до потери речи и выливающих из всего этого буйных истерик. Они встречались редко и на короткое время, поскольку девочка росла в окружении няnek и воспитателей. Благодаря отсутствию сдерживающего внимания родителей, Терри очень рано научилась отстаивать свою позицию и превратила природную твердость характера в настоящее упрямство, а изобретательность – в изошренность проказ, из-за которых многие няньки и воспитатели сменялись чаще, чем успевали толком распаковать вещи. Годкам к десяти девочка отточила процесс отбора своих учителей и слуг до совершенства.

К этому же времени Терри усвоила еще одну весьма привлекательную истину: отец боится ее не меньше, чем она его. Примерно раз в год, ко дню рождения, ощутив внезапный приступ угрызений совести, Терран пытался найти точки соприкосновения с собственным ребенком, и каждый раз ретировался тем быстрее, чем больше девочка устраивала показательно-проверочных истерик. В тринадцать лет Терри умело воспользовалась слезами, чтобы заполучить собственную лошадь, даже не пони там какого-то, а доброкачественную

кобылу для верховых прогулок, и в пятнадцать она уже вполне освоилась в управлении отцом. Примерно в то же время ее мать, чувствительная и романтическая особа тридцати пяти лет, решила, что достаточно сдала крови на алтарь семьи, и сбежала с заезжим купцом из далекого южного Периша.

Но по мере того, как Терри выросла и совершенствовалась в искусстве домашнего шантажа, Терран тоже вполне успешно учился. Для начала он осознал, что в отношениях «родители-дети» торг вполне уместен, а шантаж способен быть обоюдным. Чем больших запросов достигала дочь, тем изощреннее становились «довески», которые теперь прилагались к слезам. Не надутые губки и сведенные в скорби огромные синие очи под нарочито уроненной на щеку прядью рыжих волос, а нечто куда более существенное. Например, десять уроков по правилам хорошего тона, пять – танцев и четыре, ну ладно, два – музыки в обмен на прогулку за город в компании друзей. Или вечер без скандала в салоне графини Софит Эвнар с обязательным отчетом-свидетельством сиятельной графини о безупречном поведении – за пять уроков фехтования (Терри давно подозревала о тайном сговоре между ее отцом и красавицей-графиней – ведь как иначе объяснить ее ужасающую придиричность?). То, что дочь Ангира делать любила, сразу переходило в разряд «товара». То, что терпеть не могла – в разряд «цены». Платить приходилось исключительно тем, что девушка ненавидела всей душой, как-то: соблюдением приличий, посещени-

ем общества, манерами и тем, что составляло незыблемую основу образования каждой знатной девицы – танцами, музыкой, рисованием и прочими художествами. При стройной гибкой фигуре танцевала Терри чуть менее неуклюже, чем мостилась курица на тонкой жердочке, рисовала примерно так же, как трехлетний ребенок – быстро, внятно и информативно, пусть и безобразно; иглу в руках держала как норовящую ужалить змею. С музыкой было и так, и сяк: для собственного удовольствия она и пела, и играла, но как дело доходило до публики... Этот свой недостаток девушка скрывала чуть ли не больше всего. Весьма небезосновательно Терри опасалась, что если отец узнает про эту ее нелюбовь к публичным выступлениям, то непременно внесет их в список «для равноценного обмена», а тогда пиши пропало.

А вот любила Терри все в точности противоположное. Ей нравилось читать, и не только романы, а что-либо познавательное; причем точные науки, история и география прельщали ее куда больше философии и риторики. Она любила тренировать свое тело, любила верховые прогулки и фехтование... в общем, все то, к чему нормальная знатная девица должна питать если не отвращение, то некую неприязнь. Терран же, при всей кажущейся отстраненности и высокомерии, очень хорошо знал светские нравы и прекрасно понимал, что девушке с такими наклонностями выжить в нынешнем манерном обществе будет очень трудно.

Итак, несколько лет проб и ошибок заставили отца и дочь

выработать некую формулу взаимоотношений, построенную исключительно на добровольном обмене благами. Или тем, что им равноценно.

Единственным камнем преткновения до сих пор оставалась магия. Дар у Терри был, в этом никто не сомневался, но применять его она не хотела. Обычно девушка была упорной и настойчивой в достижении собственных целей, ее не смущали ошибки, но не в этом случае. Несколько неудачных попыток отбили у нее охоту прикоснуться к магии, а любые намерения отца внести занятия по чародейству в заветный «список» заканчивались категорическим и почти истеричным отказом. Терран довольно быстро отступил – магия не была тем занятием, которое необходимо девушке ее положения, а ко всему прочему он вообще не верил в магические способности Терри: дар – это еще не все, нужны немалые способности, чтобы уметь им управлять. И не столько опыт, навык и упорство лежат в их основе, а нечто куда более глубинное. Вот в это-то «глубинное» в Терри отец и не верил.

Магию дочь королевского мага не принимала, но и не отвергала. Для серьезных занятий этим искусством ей пока не хватало смелости, а развлекаться магией она считала ниже своего достоинства (примечательно: обычно молодые люди, обнаружив у себя магический дар, именно для этого самого и собирались его применять – для развлечения, и только много позже, когда назад дороги уже не было, обнаруживали, что сие занятие мало того, что опасно для жизни и здоровья,

так еще требует немалых трудов, усердия, выдержки, ума и долгих лет прозябания на нищенском жаловании мага нижних ступеней. Но это к слову). Терри сомнениями на этот счет не страдала, с самого начала было ясно, что с магией ей не по пути. Ей нравилось смотреть, как чародействуют другие, но самой попробовать не тянуло. Боялась ли она очередного провала? Возможно. Однако изливать по этому поводу кому-либо душу ей и в голову не пришло. Во-первых, потому, что единственным магом в ее окружении был отец, который быстро бы нашел слабину дочери и непременно воспользовался бы ею, во-вторых... во-вторых, Терри вообще предпочитала не жаловаться никому и никогда. Это избавляло от неминуемых последствий, то есть раскаяния, что сродни головной боли после перепоя, в чем девушка непременно убеждалась, глядя на перекошенное лицо конюха Дени, славно отгулявшего очередной праздник как раз накануне.

Дочь Террана Ангира могла за себя постоять, во всяком случае, она так считала. Многолетний опыт общения с отцом научил ее мастерски скрывать свои мысли и чувства, однако при всем том «формула обмена», выработанная ими, избавляла от лжи и лицемерия. На самом деле правила игры Терри вполне устраивали. Если она чего-то желала, то знала, за какую цену может это получить. Если плата была слишком высока и неприемлема, можно было поторговаться, но чем упорнее стояла на своем дочь, тем непреклоннее становился отец. Иногда куда проще было отказаться от желания, но и

это не давало повода обижаться на Террана: решение было бы ее, и только ее собственное.

Со временем, сама того не замечая, Терри стала не только более разборчива в собственных желаниях и прихотях, но и научилась соотносить их с ценой, которую требуется заплатить за их осуществление. Что ж, не так, так эдак, но Терран учил-таки свою непослушную своевольную дочь разбираться в жизни.

Но гордясь своими достижениями и признавая несомненную, хотя и не очевидную для дочери победу, Терран упустил из виду кое-что не менее существенное, чем практичность, холодный ум, трезвый расчет и целеустремленность. Точнее, не упустил, а сознательно пренебрег. Всяким там «уси-пуси» в его доме места не было, особенно после ухода жены. Он был строг, всегда собран, педантичен и придирчив, добиваясь почти армейского подчинения и точного следования правилам, раз и навсегда заведенным в доме. Каждый день его был расписан по минутам, в том числе и для Терри. Каждому занятию в его жизни были отведены строго определенные часы и места, если, разумеется, в эти планы не вмешивался король, получавший несомненный и безоговорочный приоритет во всем. Терран считался мастером в защитной магии, неплохо владел магией целительства, слыл упорным и ответственным ученым, но главное, из-за чего его имя постоянно было на слуху – он был доверенным лицом короля Веремиза, каковой чести удостоивались весьма и весьма

немногие смертные.

Так что у придворного королевского мага Террана Ангира совершенно не было ни времени, ни желания любить свою дочь. Если бы строгий отец дал себе труд подумать и был предельно честен сам с собой, он признал бы, что репутация дочери, то, как ее примут в свете, волновали его куда больше, чем все остальное вместе взятое, ибо репутация дочери – есть репутация отца, а магу с плохой репутацией при королевском дворе делать нечего.

Эмоциональную черствость Терран принимал за умение владеть собой и не подозревал, чего именно эта его черта подспудно толкала девочку на провокационные истерики и скандалы. Ей хотелось обыкновенного человеческого тепла и участия, а в ответ она получала расписанный до мельчайших подробностей контракт. Впрочем, шли годы, и Терри научилась с этим жить, не подозревая, чего лишалась в действительности. Ее природная стойкость характера компенсировала недостаток родительской чуткости деятельностью натуры и сообразительностью, так что жаловаться на судьбу девушке и в голову не приходило. Единственное, что ее удручало, так это отсутствие реальных поводов проявить себя.

И судьба услужливо предоставила ей такую возможность.

* * *

– М-м-м? – ночное приключение совершенно лишило

Терри сил, а потому горячий шепот Лины, молодой служанки, она встретила так, как и полагалось человеку, желающему уединения и покоя: зарылась под одеяло с головой. Но новость была такова, что Лина не вняла явному предупреждению и еще ниже нагнулась над кроватью, почти касаясь места, где из-под подушки торчали спутанные рыжие волосы.

– Я говорю, хозяин приехал.

Видение кокетливой ушастой луны, с которой свисали рубиновые серьги, быстро и необратимо померкло, возвращая Терри к действительности.

– Как приехал? Когда приехал?

– Только что. Бросил плащ и побежал в кабинет...

– Что сделал?

Терри подумала, что она все еще спит, потому как слова Лины отдавали привкусом небылицы вроде серег на луне.

– По-бе-жал?

– Да! – отчаянный шепот и вытщенные в усердии глаза должны были означать горькую и несомненную правду, – Буркнул что-то привратнику Шеду, сбросил плащ, шляпу и побежал.

Да, в их маленьком мирке это было Событием. Терран, будучи невысоким сухощавым человеком с изящными красивыми ручками, всегда безупречно уложенными темными с глубокой медной рыжинкой волосами, ухоженной аккуратной бородкой и – само собой разумеется – безупречно сидящей одеждой, обычно ходил так, будто был высоким и до-

родным. Каждый шаг он делал торжественно, словно шел к вручению заветной монаршей награды по ковровой дорожке в королевском дворце под пристальными и не совсем дружжелюбными взглядами придворных; каждое движение его было полно медлительной внушительности и достоинства, непоколебимого никаким внешним воздействием.

Возвращаясь домой, будь то долгая поездка по провинции или легкая прогулка по Лилиену, Терран непременно интересовался у дворецкого Стерса, все ли в доме в порядке, кто приходил, что велел передать, и не двигался с места, пока не выяснял все подробности, полагаясь на наметанный глаз своего верного слуги и его опыт. Ни один день не обходился без ритуала снятия верхней одежды, когда королевский маг застывал посреди прихожей, а вокруг неторопливо кружил в годах отработанных па причудливого танца камердинер Плушен, то принимая перчатки, то изящным жестом приподнимая шляпу, не нарушив построение волос на голове, то четкими движениями расстегивая застёжки плаща, снимая его с гордо расправленных плеч и аккуратно укладывая шелковую ткань ровными складками на сгиб локтя... Террана Ангира ничто не могло вывести из себя на пороге собственного дома, даже пожар, попытка ограбления (да-да, такое тоже было!) или известие о том, что его бросила жена.

То, что Терран Ангир совершил сегодня, отдавало катастрофой вселенского масштаба. Неужели магам удалось создать философский камень или к нам приближается комета?

Нет, это чушь, мимоходом думала Терри, лихорадочно одеваясь и скача на одной ноге (у домашней туфельки никак не застегивалась пряжка) в сторону отцовского кабинета, ведь такая мелочь, как комета, вызовет у королевского мага лишь легкую улыбку. Совсем недавно среди магов бродили странные слухи о существовании каких-то «соседних» миров, о том, что границы между ними могут стираться и образовывать какие-то «дырки», и что Арнаху грозила нешуточная опасность быть уничтоженным. Тогда Терран с неделю бродил по дому задумчивым и слегка рассеянным, но это не помешало ему устроить разнос Плушену, когда тот подал не тот камзол к утреннему выходу, а также рассчитать очередную экономку, стоило той слегка изменить порядок в доме.

Придворного мага могло вывести из себя лишь исключительное событие. Что-то случилось с королем? Нет сомнений, такое событие может вывести из себя любого, а не только мага-фаворита. Терри видела короля Веремиза несколько раз с балкона дворца на Лилейной площади, один раз – на королевском балу, и он показался человеком довольно молодым, хотя и слегка тучноватым (по правде говоря, он больше всего напоминал вытащенную из воды рыбину, вялую и бледную, но мы ведь не станем говорить о королях плохо? Особенно дающих пропитание неким придворным магам?). Мог Веремиз заболеть или, что совсем недопустимо, умереть? Мог. От этого никто не застрахован. Но Терри почему-то казалось, что в такой ситуации отец не стал бы бегать

по дому, как уличенный в плутовстве мальчишка. Он облекся бы в величественную скорбь, как в мантию, заставил бы других ходить на цыпочках и не дразнить его даже подобием улыбки.

Так что же, что же, что же случилось?

Каблучки на домашних туфельках мягко стучали в такт вопросу, беспрерывно крутящемуся в голове Терри. Любопытство захлестывало ее.

– Выйди.

На пороге отцовского кабинета Терри застыла не столько из-за окрика, прозвучавшего еще до ее появления, сколько из-за чудовищного беспорядка, царившего в кабинете. Книжки лежали на полу, стыдливо белея распахнутыми страницами, один из пристенных столиков накренился, отчего половина стоявших на нем реторт упала на пол и разбилась – вытекшие из них жидкости и высыпавшиеся порошки смешались, образовав смердящую чем-то тухлым и медленно пузырящуюся лужу, в другом углу неопрятным шалашом застыли упавшие вниз длинные скрутки карт... Книжные полки на дальней стене были раздвинуты, явив спрятанный внутри тайник, но Терри не успела обрадоваться раскрытию очередного отцовского секрета. В камине вовсю горел огонь, в котором плавилась какие-то пергаменты, именно плавилась, растекаясь по приготовленным поленьям и вспыхивая синеватыми змейками магии.

Неужели... неужели ночной воришка возвращался, а она

даже не знала об этом? Не потому ли отец так зол и от злости едва не скрежещет зубами? Отец метался по кабинету, хватая то одно, то другое – движения резкие, отточенные, уверенные. Но присмотревшись, девушка поняла, что ошибалась: Терран вовсе не проверял, целы ли его запасы. Он заполнял огромный дорожный саквояж, стоявший в кресле за столом. Пара книг, свитки, несколько непонятных вещей, тщательно завернутых в ткань – с ними мужчина обращался бережнее, чем с любимой женщиной, буде таковая нашлась бы, увесистые мешочки, знакомо позвякивающие металлом... Что все это значит?

Терри хотела спросить, что случилось, но тут мимо нее в дверь протиснулся Стерс. С достоинством впечатывая в пол шаг, дворецкий приблизился к хозяину, чуть склонился и что-то на ухо ему прошептал.

- Действуй, – буркнул Терран, встряхивая саквояж.
- Вам прислать Плушена, мой господин?
- Нет. Пусть ждет в Виноградной гостиной.
- Да, мой господин.

Невозмутимо, будто лихорадочные сборы хозяина случались каждый день, Стерс развернулся, все так же спокойно прошествовал по разгромленному кабинету и вышел, бочком протиснувшись мимо девушки, не соизволившей сдвинуться с места ни на дюйм.

Терран взвесил в руке полный саквояж и наконец обратил внимание на дочь.

– Ты еще здесь? Немедленно собирайся в дорогу.

– В дорогу?

– Отвезешь госпоже Ловелии Траблот письмо.

– Кто это такая? – Терри немедленно неприязненно возмутилась, – И почему я?

– Адрес написан на конверте, – привычно проигнорировал выпады дочери маг, – Это срочно.

– Вот еще, – столь же привычно не согласилась девушка и громко фыркнула, – А ты, отец?

– Куда еду я, тебя не касается, – очень нелюбезно буркнул Терран, отворачиваясь, – На сборы полчаса.

– Полчаса? – взвилась девушка, – За полчаса я успею только умыться!

– Значит, одеваться будешь в дороге. Эвани!

Новая экономка отозвалась немедленно, будто стояла за углом. Впрочем, скорее всего так оно и было. Наученная горьким опытом, доставшимся в наследство от предыдущей прислуги, молодая женщина так старалась предугадать все желания хозяина, что порой явно переусердствовала. Впрочем, Терри подозревала, что дело только усердием не ограничивалось. Эвани была невысокой ладной блондинкой с маленьким белым кукольным личиком и строгими голубыми глазами, помешанной на безупречности своего внешнего вида. Она была не просто опрятна: аккуратность возводилась ею в ранг искусства. На ее одежде никто и никогда не видел ни пятнышка, ни помятости, из ее идеальной гладкой при-

чески никогда не выбивался ни один волосок, а выражение ее лица всегда было строгим и деловым. Терри посчитала новую экономку занудой и уже через неделю после ее появления в доме решила устроить проверку с дальним прицелом избавиться от нее в случае негодности. Как и ожидалось, обнаружив, что наглые домашние мыши устроили в ее бельевом комодe гнездо (на самом деле, там была всего одна мышка, перепуганная до смерти, а остальное, как то: надерганный из подушки и свернутый в комок пух, несколько засохших изюмин, хлебные крошки, кавардак, устроенный из доселе аккуратно сложенного белья, Терри добавила для правдоподобности эксперимента), Эвани пришла в ужас (ее визг был слышен даже в хозяйском крыле дома), а потом загоняла домашних слуг до изнеможения, избавляясь от пронырливых ушастых тварей. Слуги, правда, большей частью делали вид, что загнаны, ибо те из них, кто служил в доме Террана Ангира достаточно давно, прекрасно понимали, чьих рук это дело и с интересом ожидали, чем закончится проверка очередной экономки. Но результат оказался совсем не тем, на который рассчитывала Терри. Когда спустя какое-то время хозяин дома с неудовольствием поинтересовался, что это за вопли на днях он слышал, Эвани покраснела и едва не расплакалась, бросая на Террана умоляющие взгляды. Как и ожидалось, сам Терран ничего не заметил, зато Терри кое-что заподозрила и решила повременить с отставкой. Подтверждения подозрениям долго ждать не пришлось: ко-

гда Эвани думала, что на нее никто не обращает внимание, ее взгляд, направленный на хозяина, становился до безобразия слащавым и тоскливым, словно у пса, на которого не обращает внимание любимый хозяин... Да уж. Женщина, имевшая несчастье влюбиться в Террана Ангира, имеет полное право на снисхождение, решила Терри и взяла бедняжку под свое негласное покровительство. Впрочем, это не означало, что их отношения хоть сколь-нибудь улучшились.

– Передайте горничным, – сухо приказал хозяин дома, – пусть соберут госпожу Терраниту в дорогу. Очень быстро. Не забудьте про завтрак. С собой!

Эвани сухо кивнула, бросила на девушку подозрительный взгляд и исчезла.

– Я никуда не поеду, – с вызовом заявила Терри, на всякий случай топнув ногой, однако поскольку туфля была мягкой, нужного грохота достичь не удалось, – Это ведь пансион, да? Ты хочешь отправить меня подальше, с глаз долой, да? Я еще позавчера сказала, что никуда не поеду. Не хочу я ни в какой дурацкий пансион! Там скучно! Я останусь дома! И ты не заставишь меня уехать, отец!

Терран остановился и окатил дочь донельзя сумрачным взглядом.

– Ты должна была уехать еще вчера. Но к твоей совести звать бесполезно, так ведь? Хотя бы раз меня послушалась без этой своей истерики. А теперь... Боюсь, теперь уже поздно.

Маг бросил последний взгляд на кабинет и прошел мимо девушки, ни на мгновение не задержавшись.

– Я остаюсь здесь! – отчаянно крикнула Терри вслед. Маг большими стремительными шагами удалялся прочь.

– Ну хотя бы объясни, что случилось, отец? Для чего поздно? – даже самой Терри просьба показалась жалкой и растерянной. Она не привыкла так просто сдаваться, а Терран в любое другое время не преминул бы преподать ей урок этикета, попутно укорив в том, что девушка ее положения обязана держать себя с царственным достоинством в любой ситуации, и столь неподобающе вульгарному выражению чувств пора положить конец. На что Терри ехидно бы заметила...

Но в этот раз вопрос, увы, повис в пустоте. Звуки шагов отца и те растворились в тишине.

Когда через полтора часа Терри садилась в коляску, королевский маг Терран Ангир провожал ее хмурым взглядом, стоя на высоком крыльце с ажурными перилами, сложив руки на груди и молча поигрывая желваками на скулах. Девушка нарочито громко фыркнула, так, чтобы это было заметно отцу, и отвернулась, взметнув облако рыжих волос, до которых так и не смогла добраться горничная Мини. Усевшись на мягкое сидение, задрал нос и расправив плечи, Терри, всем своим видом являя оскорбленное достоинство, откинулась назад, когда коляска резко сдвинулась с места. Сидевшая напротив Эвани украдкой бросила укоризненный взгляд, но

никакое увещевание не смогло бы сейчас пробить твердолобое упрямство девицы, решившей посоревноваться в этом деле со своим знаменитым отцом.

Лошадиные копыта бодро зацокали по брусчатке, мрачный Терран скрылся из виду за поворотом, а с Терри произошли разительные перемены. Она мгновенно перестала дуться, сощурилась и сложила губы трубочкой в раздумьях, выражение ее подвижного задорного лица удивительно напомнило лисью мордочку. Раздумий оказалось немного. Стоило только коляске повернуть за угол, как Терри бодро окликнула кучера. Сидевший в этот день на козлах Кубир тут же остановил лошадей и испуганно оглянулся.

– Постоим немного, отдохнем, – заговорщически сообщила Терри, на что Кубир громко вздохнул, но возражать не посмел.

Зато у Эвани выдержки было куда меньше.

– Госпожа Терранита, – начала она, выпрямляясь и жестко сцепляя на коленях руки в замок, будто готовясь к долгой и кровавой схватке, – Ваш батюшка велел...

Что велел батюшка, Терри и сама знала, а потому дослушивать не стала.

– Чтобы отвезти письмо, даже самое драгоценное, мне компаньонка не нужна. Так что пошевели мозгами! Нас вывели, но зачем?

Она бодро выскочила из коляски и помчалась назад, кляня на чем свет стоит новую моду на довольно узкие юбки и

с трудом удерживаясь, чтобы не задрать подол повыше. Редкие, однако исключительно респектабельные прохожие провозжали девушку недоуменно-осуждающими взглядами.

Терри добежала до угла, остановилась, перевела дыхание и заглянула... Да так и замерла, с трудом подавив рвущийся наружу стон.

У роскошного парадного крыльца ее дома стоял казенный полосатый фургон черно-зеленых тонов, из которого как тараканы выскакивали королевские солдаты, за ним – открытая коляска. Пустая, ибо ее пассажиры в этот момент споро взбежали по ступенькам крыльца, попутно отдавая команды следующим за ними солдатам.

Терри резко отвернулась и прижалась спиной к стене дома, за углом которого изволила прятаться. Она знала тех двоих, что командовали королевскими вояками. Это были королевские маги Агиус Базаль и Саво Вителен, маги, которые не раз захаживали в дом Ангира и ели его хлеб. Терри еще не знала, что произошло, однако не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: дело дрянь. Солдат не натравливают на законопослушных добропорядочных граждан, а если это все же случается, то либо граждане не добропорядочны, либо некто отдает неправильные приказы. В первое верилось с трудом – уж кто-кто, а Терран Ангир был законопослушен до тошноты. Оставалось второе. Терри непременно должна была узнать правду.

Простояв в нелегких раздумьях несколько минут, девуш-

ка опять выглянула из-за угла, в этот раз куда более осторожно и даже боязливо – она, признаться, боялась увидеть худшее, то, что отца выводят под конвоем из дому.

И в этот раз Агиус и Саво стояли на крыльце. И в этот раз их окружали королевские солдаты. Но отца с ними не было.

Дом Террана Ангира был не только магически укрепленным, в нем было множество самых обычных примитивных и не очень тайников и секретов, в том числе и тайный ход, ведущий в соседний сад, о чем соседи, надо сказать, даже не догадывались. Да, отец наверняка ушел через черный ход, отчаянно хотела верить Терри. Если отец воспользовался тайным проходом, ждуть здесь больше нечего. А что, собственно, произошло?

В последний момент краем глаза девушка заметила движение. Из узкого переулка, идущего вдоль высокой ограды вокруг имения Ангира, неторопливо вышел человек. Нескладно высокий, худой, безусловно одетый, он чинно нес большой потертый саквояж, нимало не смущаясь соседством толкущихся рядом королевских солдат. Один из них подскочил было к неизвестному, но Саво Вителен удрученно махнул рукой: «не он». Человек высокомерно хмыкнул, подправил шляпу и прошествовал далее, все так же невозмутимо и спокойно. Терри тоже хмыкнула и прислонилась спиной к стене, спрятавшись за выступом. А когда человек поравнялся к ней, ехидно спросила:

– И куда это мы направляемся, милейший Стерс?

Дворецкий вздрогнул, слегка сбился с шага, но быстро пришел в себя и неожиданно заторопился, отчего Терри пришлось почти бежать, чтобы двигаться вровень с ним.

– А, госпожа Терранита, – невозмутимо произнес Стерс, меряя мостовую непомерно длинными ногами, – Разве вы не уехали? Вам не стоит здесь находиться.

– Рассказывай, – угрожающе затребовала девушка, – Все рассказывай, можно коротко.

– Госпожа, боюсь, мне не разрешено...

– Правильно, бойся, – перебила Терри, – отец далеко, а вот я – близко. Стоит мне только громко крикнуть – и те ищейки, что толкуются сейчас у наших дверей, мигом будут здесь. Ты ведь не хочешь, чтобы они тебя обыскали?

Стерс опять слегка сбился с шага, покрепче сжал ручку саквояжа, выразительно откашлялся и сказал:

– Вы же не станете действовать во вред собственному отцу, госпожа Терранита.

– А откуда мне знать, что во вред, а что для пользы? Я же не ясновидящая! – бодро заключила Терри.

Стерс сдался, но девушка так и не поняла почему: то ли от ее убедительности, то ли из-за того, что дворецкому требовалось свернуть под арку в подворотню, как раз напротив которой она остановилась и решительно загородила проход. В двух шагах от них стояла коляска со скучающим Кубиром и нервничающей Эвани. Стерс бросил быстрый взгляд на коляску, но воспользоваться ею не спешил.

– Вашего отца... э-э-э... обвинили в краже и покушении на убийство, – дворецкий незаметно оглянулся по сторонам.

– Убийство кого? – Терри понизила голос почти до шепота.

– Короля.

– К-короля? – от удивления девушка застыла статуей и не шелохнулась, даже когда Стерс проскользнул мимо нее в подворотню, – Но...

– Но он этого не делал.

– Хорошо, хоть отец успел сбежать, – ошеломленно пробормотала Терри в спину уходящему мужчине.

– Не уверен, – обернувшись, с сожалением бросил напоследок дворецкий и прибавил шаг.

– Как не уверен? – ахнула девушка, всплеснув руками. Но Стерс, неожиданно шустро отмеряв длинными ногами расстояние под аркой, скрылся за поворотом.

* * *

Терри осторожно присела на краешек сидения: спина прямая, руки безвольно лежат на гладком жаккарде обивки, брови разлетелись растерянными птицами. На скамейке напротив тихо плакала Эвани – она слышала разговор со Стерсом, проходивший прямо у кареты. Вжавши голову в плечи, согнувшись и неловко привалившись к стенке коляски, экономка теребила крохотный белый платочек и обильно сма-

чивала его слезами. Молча и горько.

Терри тяжело вздохнула.

– Кубир, давай-ка назад.

– Куда назад, госпожа? – испуганно подпрыгнул возчик.

– К дому, – мрачно объявила девушка.

– Э-э-э, нам тут не развернуться, – слуга кончиком хлыста рассеянно почесал себе за ухом, отчего его треугольная шляпа словно качели заерзала на вихрастой светловолосой макушке.

– Тогда давай вперед, пообедем квартал по Остролистовой улице, мимо особняка Мандоров и выедем переулком к площади Господина Попрошайки.

– А, ну это можно...

Едва только лошади невозмутимо зацокали по брусчатке, Эвани оторвалась от платочка и подняла на Терри заплаканные глаза:

– Госпожа Терранита, – помимо скорби, непоколебимой непрезентабельным шморганьем носом, в голосе экономки появились твердость и упрямство, – Ваш батюшка неспроста пытался отправить вас подальше от дома. Он хотел вас защитить. А вы его не слушаетесь. И не думаете о том, сколько беспокойства ему доставляете. Он так много для вас делает, но вы даже не замечаете, какой он замечательный, чудесный человек...

Эвани бубнила и бубнила, и впервые в жизни Терри не хотелось вспылить или возразить, она лишь хмуро смотрела

на фасады домов, мимо которых проезжала коляска, и мрачно вздыхала.

За поворотом открылся вид на площадь Господина Попрошайки. На самом деле площадь официально звалась Бернойской в честь одного очень редкостного и недолговременного периода в истории взаимоотношений двух соседних государств, Арнаха и Берноя, когда на их правителей снизошла блажь помириться. Сей неестественный эпизод в жизни соседей длился не очень долго и отношения через годик-другой перешли в нормальную стадию вялотекущей если не войны, то привычной огрызательности. Слово «берноец» среди арнахцев обычно (как раньше, так и сейчас) значило то же, что и «отродье», «ублюдок», «голодранец» и прочие схожие по выразительности эпитеты. Площадь же, которой по необъяснимой причине дали имя Бернойской, после окончания перемирия переименовать забыли, а более раннее ее название – «Садовая» – само собой забылось еще раньше, когда лилиенская знать застроила верхние сады своими роскошными особняками.

Посему название сему месту сложилось без участия – или даже вопреки ему – властей. «Господин Попрошайка», конечно же, звучало ничуть не лучше «Бернойской», но оно прижилось и объяснение тому следовало искать в статуе в центре площади: на высоком постаменте в человеческий рост стоял некий суровый бронзовый с прозеленью старец в длинном плаще, с капюшоном, натянутым на нос, и с внуши-

тельным посохом, слегка приподнятом не то в указании жизненного пути, по которому надлежит идти, не то для отпугивания собак. Вторая рука у него была приподнята ладонью вверх в жесте, давшем название сему милому месту... Старец выглядел весьма представительно и сурово, отчего даже самые легкомысленные шалопаи не смели звать его просто попрошайкой, а вот «господин Попрошайка» разом решало проблемы и почтения, и здравого смысла. Впрочем, кто это был и куда шел, никого особо не интересовало. Под статуей добропорядочные горожане посадили цветочки, которые буяли, несмотря ни на засуху, ни на настойчивую забывчивость дворников, высокий, по колено, каменный бордюр сиял чистотой, ежедневно вытираемый юбками и брюками присаживающихся отдохнуть граждан, поэтому редко кому взбрело в голову пробраться промеж мохнатой цветущей зелени к постаменту и попытаться прочесть заросшие зеленоватым мхом буквы. А надпись между прочим гласила, что сей памятник воздвигнут в честь Каджина Неутомимого, известного путешественника, книгами которого зачитывалось не одно поколение мечтателей о дальних странах и приключениях. Только кто об этом помнил?

Терри, вздохнув, равнодушно скользнула взглядом по зелено-медному страннику и... Ее взгляд мгновенно заледенел. Со ступенек крыльца своего роскошного особняка под конвоем королевских солдат спускался Терран Ангир. В первый момент его даже трудно было заметить – невысокий и

щуплый, несмотря на гордо расправленные плечи и с вызовом запрокинутую аккуратную голову, он терялся среди рослых краснощеких молодцев-гвардейцев, выходящая оципантым куренком среди откормленных пестрых индюшек. Впрочем, гордое презрение, явственно написанное на лице Ангира, предназначалось вовсе не его тугодумному исполнительному конвою, а парочке торжествующе подмигивающих друг другу типов, топчущихся рядом с казенным фургоном. Агиус и Саво были несказанно рады поимке государственного преступника, странным образом оказавшимся их вчерашним завистно удачливым коллегой, и не скрывали это.

Коляска, в которой сидела Терри, обогнула Господина Попрошайку, на полукруге прокатилась по площади и опасно приблизилась к парадным воротам у величественного дома Ангира. С каждым шагом лошади шли все медленнее и медленнее, чувствуя непонятную свободу в действиях, ибо поводья выпали из рук ошеломленно-испуганного Кубира и нынче просто болтались, рискуя запутаться. В конце концов легкая изящная коляска просто остановилась, точнехонько поравнявшись с полосатым казенным фургоном. Сидевшие в карете люди были не единственными зрителями знаменательного, из ряда вон выходящего события; на публичную поимку преступника с ужасом и восторгом взирали соседи и их многочисленные слуги, высыпавшие из окрестных домов, как тыквенные семечки из дырявого мешка. Пара карет

столкнулась на той стороне площади, визгливые голоса возчиков, не обращая ни на что иное внимание выяснявших, кто прав, кто виноват, перекрывали даже рывканье капитала конвоя. Терран Ангир, презрительно полуприкрыв глаза веками и гордо выпрямившись, надменно сбросил со своего плеча руку, помогавшую войти в фургон, поставил ногу на подножку... и тут на лице его отразился ужас: маг увидел свою дочь.

Терран неожиданно нагнулся, отводя выразительный, полный гнева и отчаяния взгляд от дочери, и сделал то, чего от преступника, казавшегося вполне уважаемым господином, никак не ожидали: прытко рванул назад, из распахнутых дверей фургона и сильно наподдал по голени стоявшего рядом гвардейца высоким каблуком своих безупречных начищенных туфель. Юноша взвыл, схватился за голень руками и запрыгал на одной ноге, помогая себе громкой руганью из воплей и всхлипов. На Террана, успевшего на три шага отскочить от казенной кареты, навалились сразу трое гвардейцев, задавив маленького мага весом и яростью, а Терри между тем уже колотила по стенке коляски, заставляя Кубира опомниться и подхватить поводья. Коляска рванула вперед, быстро оставляя позади шум свалки, но девушка даже не оглянулась. Ее тонкое личико под шапкой рыжих волос сильно побледнело, глаза уставились в некую точку на бархате обивки, а руки сжались в кулаки. Прошло несколько минут, прежде чем она откинулась на спинку сидения, глу-

боко вздохнула и огляделась по сторонам.

Кубир правил одному ему известным путем, а потому не стоило строить догадок о том, куда ехала коляска. Терри это не особенно взволновало, как раз наоборот – передышка была ей необходима. Кое о чем вспомнив, она вытащила несколько смятое письмо, переданное ей отцом, и решительно вскрыла его под горестный, хотя и тщательно приглушенный вопль Эвани.

– Хорошо еще не успел магическим заклятьем запечатать, – пробормотала девушка, безжалостно игнорируя обвинительные причитания экономки и скользя глазами по изысканно написанным строчкам текста, – Частный пансионат? Я так и знала. «За ту небольшую услугу, которую я имел честь Вам оказать»... Хм-м... Интересно, это какую? ...Да не кипятись, Эвани, я ведь не сказала, что она любовная. Хотя... «Оказать покровительство, поскольку, подозреваю, в ближайшее время жизнь будет очень сурова к ней». Какой слог! А какая наглость! Он решил, что я спрячусь и покорно буду ждать, пока его таскают по тюрьмам? Ну уж нет!

Маленькая ручка, затянутая в перчатку, в ярости впечаталась в стенку коляски, Кубир нервно оглянулся и произвольно натянул поводья, останавливая лошадей.

– Куда это мы едем, Кубир? – обманчиво мягко спросила хозяйка, глядя на кучера и улыбаясь так, что голова у слуги испуганно спряталась в плечах.

– В Бадлиноут, госпожа. Двадцать миль от южной заставы

Лиλιена, – пробормотал Кубир, не глядя на девушку, – Как хозяин велел.

И набравшись смелости, неуверенно добавил:

– А я всегда выполняю приказания хозяина. И доставлю вас в пансионат госпожи Ловелии Траблот, чего бы мне это не стоило.

– Ах так! – Терри мстительно ухмыльнулась, но тут запыл ее гнева неожиданно иссяк и она откинулась на подушки, в задумчивости покусывая губы. Кубир еще раз опасно оглянулся и потихоньку тронул поводья...

– Госпожа Терранита, – завела свою любимую нудную шарманку Эвани, – Разве вы не понимаете, что ваш батюшка бесконечно обеспокоен тем, что с вами будет, когда имя его смешают с грязью? А это будет, поверьте! Пока он не может себя защищать, вы тоже не сможете остаться в стороне от скандала и сплетен, общество станет обсуждать вас и, смею заверить, это весьма гадко! И ваше присутствие в обществе только подстегнет ненужные разговоры, а кроме вашего отца у вас нет достойных покровителей в свете, и вы это хорошо знаете. Господин Терран поступил очень, очень мудро, отправляя вас в закрытый частный пансионат, где вы сможете не замечать злого обсуждения общества... О, общество может быть таким жестоким, таким злым!

Терри подняла голову и удивленно уставилась на Эвани, но отнюдь не доводы поступать благоразумно и послушно, как требуется от хорошей дочери, заставили ее нахмуриться,

а искренняя боль в голосе и рваная нервность жестов экономки. Сдержанность молодой женщины была заметно колеблена и в любое другое время Терри не упустила бы возможности разговаривать Эвани, выяснить, чем же так досадило белокурой красавице великосветское общество, ...но сейчас ее голова была занята другим.

– У меня нет причин бежать от общества, – задумчиво сказала она, – Скандала я не боюсь. Но в одном ты права – я не могу появиться в свете сама по себе. Мне нужен покровитель... Нет, нет, я не собираюсь идти на содержание к мужчине, – весело рассмеялась девушка, заметив неподдельный ужас на лице Эвани, – Но у меня же есть тетя! Вряд ли она поможет мне вытащить отца из темницы, ведь что можно ожидать от тридцатилетней вдовы с таким идиотским именем как Фредебокина, но разве не могу я остановиться у нее хотя бы на время? Неужели она не захочет помочь бедной несчастной родственнице?

Лесть, шантаж и угрозы в конце концов сделали свое дело. Еще больше втянув голову в плечи и горестно причитая себе под нос, Кубир сделал круг по набережной, миновал реку Ренку, проехался сквозь извилистые улочки Алтеры и погнал коляску через весь Лилиен в тихий, хоть и не слишком respectable Сурох. Именно в этом районе столицы, как помнила Терри, проживала некая госпожа Фредебокина Торвиль, урожденная Ангир, родная, однако почему-то не жалуемая семейством младшая сестра достопочтенного Терра-

на Ангира. В чем была причина немилости, Терри не знала, но могла догадываться. Отец лишь единожды упомянул Фредебокину и было то мимолетное упоминание в длинном перечне наглядных примеров того, как невыгодное замужество и отсутствие здравого смысла способны уничтожить любую, даже самую безупречную родословную. Когда же Терри, несколько не впечатленная примерами, зато удивленная наличием неизвестной доселе тетушки, попыталась насесть на отца и выведать о родственнице побольше, Терран раздосадовано поджал губы, бросил что-то о громких скандалах, глупостях и женских капризах и немедленно перевел разговор на другую тему. Лишняя родственница не слишком интересовала Терри, а потому оговорка отца не долго ее занимала – она узнала лишь то, что госпожа Торвиль проживала где-то на окраине Суруха, в западной, самой холмистой части Лилиена, и на этом ее интерес угас. У девушки сложилось стойкое впечатление, что это особа скучная, недалекая и неинтересная, а какой смысл напрашиваться на знакомство с «уксусом», единственным пикантным достоинством которого было пренебрежение родственников и забытый скандал в прошлом?

Однако сейчас, перебирая в уме всех своих родичей, Терри подумала, что зря не продолжила свое недолгое исследование: Фредебокина оказалась единственной родственницей, проживавшей нынче в столице. Остальные члены знатного и древнего рода Ангир предпочитали оставаться в за-

городных поместьях в Лестербоне, что на юго-западе Арнаха, и Лилиен осчастливливали своим появлением нечасто. Вообще-то именно отдаленность тетки от остальной семьи, помешанной на благочестии и соблюдении приличий, и была тем последним доводом, который заставил Терри искать общества Фредебокины. Пусть тетка скучная, но если семья Ангиров ее не принимает, то и Терри искать у нее никто не станет. И оставит ее в покое. А дочери Террана сейчас просто необходима была свобода действий для маневров. Сейчас она никак не могла покинуть город и удалиться от королевского дворца. И темниц, разумеется. Что, собственно, она может сделать для освобождения отца, пока оставалось неясным, но ведь она обязательно что-нибудь придумает!

Рассеянно вслушиваясь в мерный стук копыт и затейливые по изысканности слога нецензурные окрики возчиков, Терри не слишком обращала внимание на то, куда едет коляска. Ее мало занимала дорога и нервничающая Эвани, однако поездка давала ей время, столь необходимое для раздумий. А подумать было о чем. После недолгих колебаний девушка решила, что сумеет найти подход к недалекой и унылой вдове не первой свежести, к которой она ехала, а потому забивать себе голову тем, какие аргументы приведет, не стала – на месте все и решится. Терри куда больше беспокоил факт ареста Террана, чем она сама и ее репутация, и раздумья о попытке покушения на короля в ее рыжеволосой головке почему-то настырно переплетались с ночной попыт-

кой ограбления дома некоего придворного мага... Ах, что за путаница!

Найти особняк госпожи Торвиль оказалось не так-то просто. Коляска кружила и кружила по улочкам, мерно-уныло цокали копыта по брусчатке, Эвани совсем приуныла, ссутулившись, прислонившись к боковой стенке кареты и рассеянно теребя мокрый от слез кружевной платочек, Кубир охрип, выпрашивая дорогу, и даже Терри уже не казалось, что поиски отвергнутой семьей тетки такая превосходная идея.

Однако дом Фредебокины все же нашелся и оказался несколько не таким, как его представляла себе племянница. Точнее сказать, совсем не таким. Вместо унылого вдовьего дома взору Терри предстал премиленький трехэтажный особнячок, отделенный от дороги аккуратной лужайкой с ухоженными розовыми кустами. Четкие классические линии стен с большими эркерами и двумя крыльями, высокие окна, внушительная парадная дверь с витиеватой надписью «Остролист», крыльцо с широкими ступенями, ряд колонн, поддерживающих портик... Человек, владевший этим, наверняка не нищенствовал. И даже не бедствовал. Если «невыгодное замужество», о котором вскользь упомянул Терран, не мезальянс, то что? И каким «страшным скандалом» запятнала себя неизвестная Фредебокина? Ломая голову над этим и в душе ужасаясь тем нелепыми предположениям, которые мелькали в ее хорошенькой головке, Терри не без трепета

вошла в просторный холл под бдительным оком внушительного дворецкого, похожего на какого-нибудь графа в ливрее, и даже слегка запнулась, когда ей предложили назвать себя, дабы доложить о ее визите хозяйке. С каждой минутой унылая вдова Фредебокина превращалась в форменную мегеру, от которой родственники не отвернулись, но, похоже, спаслись бегством.

Но если Терри и заколебалась, входя в просторную, светлую и премиленькую гостиную, это никак не отразилось на ее спокойном лице – уж держать себя в руках и соблюдать внешние приличия она умела прекрасно.

А вот и тетушка!

Девушка сделала три решительных шага и опустилась в неглубоком реверансе перед дородной матроной, глянувшей на гостью в явном замешательстве и с недовольством. Со всем не худенькая женщина была по самое горло затянута в самое нелепое из виденных Терри вишневое платье, густо сдобренное рюшами, отчего казалась бесформенной кубышкой с крышкой – картину довершал узел причудливо стянутых на макушке темных волос. Решительно выставленный вперед смазанный подбородок, узкая щелка сомкнутых капканом тонких губ, огонь неодобрения, горевший во взоре, – девушка в первый момент опешила от такого явного негощения, однако проглотила обиду и принялась лихорадочно подыскивать слова, чтобы расположить к себе чем-то обиженную хозяйку...

– Терранита, – задумчиво произнесли откуда-то справа хорошо поставленным, глубоким, мелодичным голосом, словно пробуя слово на вкус, – Неужто мой нелюбезный братец смог разродиться таким очаровательным ребенком? Это наверняка заслуга Амалтеи.

Терри резко обернулась. В неглубоком алькове на роскошной софе, устланной мягкой пятнистой шкурой, полулежала женщина. Черты ее удлиненного лица были аристократическими, однако классической правильностью не отличались – тонкие, но изящно очерченные губы и длинный нос знатоки не отнесли бы к идеальным, а бледность кожи многие сочли бы чрезмерной. Но женщина несомненно была очень привлекательной. В меру худощавая и довольно высокая, с тонкой талией и красивыми руками даже весьма придирчивый взгляд не смог бы разглядеть на ее великолепном теле следы увядания. У хозяйки были волнистые темные, с глубоким медным оттенком волосы, что явно свидетельствовало о ее принадлежности к роду Ангир с их визитной карточкой – темно-рыжей шевелюрой, и в частности говорило о близком родстве с Терраном. И Терри, цвет волос которой походил на только что опавшую, но еще не потемневшую листву, мгновенно признала в непринужденно прилегшей на софе женщине родственницу.

Одетое на хозяйке роскошное шелковое платье цвета насыщенной зелени, украшенное черными кружевами, имело самый модный покрой: довольно смелое декольте, пыш-

ные плиссированные рукава, перетянутые лентами, и бархатный пояс под высоко поднятой грудью, отчего женская фигура казалась еще более утонченной. Длинную шею женщины украшала широкая черная лента с алмазной подвеской, волосы убраны в высокую прическу и лишь отдельные тонкие локоны изящными спиралями спускались к щекам. Тетушка выглядела не более чем на несколько лет старше своей двадцатилетней племянницы, однако внимательный взгляд заметил бы оценивающий прищур глаз, раскованную позу, непроницаемую вежливость улыбки, что отнюдь не характерно для неопытной наивной девицы.

– Тетя... Фербо... Фребо..., – не ожидавшая увидеть ничего подобного, Терри почему-то растерялась.

– Фо, просто Фо, – со странной ироничной улыбкой произнесла женщина на софе и небрежно взмахнула рукой в сторону застывшей у дверей матроны в вишневом платье:

– Можешь идти, Клемтина, договорим позже.

– Моя госпожа, но...

– Позже, Клемтина, – в голосе Фо прорезался металл, отчего полная дама полыхнула еще большим недовольством и с достоинством выплыла наружу.

Госпожа Торвиль перевела взгляд лениво сощуренных светлых глаз на гостью и молча указала той на кресло рядом с собой.

Пока Терри неторопливо пересекала гостиную, а потом аккуратно усаживалась в кресле, то успела осмотреться и

сделать однозначный вывод: ей здесь нравится. Будь она сама себе хозяйка, она бы предпочла обставить комнату именно так – обтянутые бледным молочно-белым шелком стены и зелено-малахитовые портьеры, яркие картины с городскими видами, огромные напольные вазы с цветами, белая с золотом мебель на ажурных витых ножках... В убранстве чувствовался тонкий вкус, и этот вкус явно исходил от женщины, полулежавшей на софе, и у Терри с каждой минутой оставалось все меньше и меньше сомнений, что манипулировать этой женщиной, как планировалось ранее, будет весьма нелегко, если вообще возможно.

– Полагаю, твой отец не знает, что ты здесь? – наконец произнесла Фо, когда пауза затянулась.

Терри встрепенулась – разглядывая новоприобретенную тетку и прикидывая, что та собой представляет, она совершенно забыла, зачем сюда пришла.

– О, да, никто не знает, что я отправилась сюда, – ослепительно улыбнулась девушка.

– И зачем же?

То, что хозяйка не стала утруждать себя получасовой вежливой беседой, прежде чем перейти к сути визита, и задала нетактичный вопрос без уверток и светских околичностей, Терри понравилось. Но то, что сказано это было весьма сухим и холодным тоном – нет.

– Полагаю, чтобы познакомиться с Вами, – гостья расправила плечи, упрямо задрала подбородок и посмотрела на Фо

прямым твердым взглядом.

– Познакомиться? – лениво переспросила хозяйка, улыбнулась и потянулась за сигаретой с длинным мундштуком, лежавшей на резном столике неподалеку. Терри как зачарованная следила за медленными движениями холеных тонких пальцев, сбросивших столбик нагоревшего пепла и поднесших сигарету к изогнутым в ироничной улыбке губам, – Нет, дорогуша, это лишь часть правды. Ты пришла, пьянея от собственной дерзости, к отвергнутой семьей родственнице и не говори, что ради восстановления мира в семье – не поверю. Мой братец наверняка внушил тебе, что знаться со мной вредно для твоей репутации, и это самое лестное, что он мог сказать обо мне – я слишком хорошо его знаю и знаю его ко мне отношение. На самом деле это правда: тебе не стоит со мной водиться, но я не собираюсь ни оправдываться, ни обвинять кого-либо. Да и мои грехи, по большому счету, тебя не касаются. Так что если ты захочешь стать посредником между нами, то с твоей стороны это будет большой глупостью и редчайшей наивностью. Тебя я не знаю и поэтому сразу же хочу уберечь от большого жизненного разочарования, – прекрасная Фредебокина глубоко затянулась, кончиками пальцев изящно поддерживая мундштук, затем медленно выпустила дым и холодно, по-змеиному улыбнулась, – А если ты, дитя, пришла сюда в попытке досадить своему отцу за мой счет...

– Его арестовали! – обиженно выпалила Терри и поче-

му-то покраснела.

Фо широко распахнула глаза. Они оказались не синими, как поначалу предположила девушка, но серыми и блестящими, красивого, почти миндалевидного разреза, искусно обведенными темной с прозеленью подводкой. В окружении насыщенных медно-рыжих прядей волос и белейшей кожи глаза Фо должны бы казаться совершенно бесцветными... Но не казались. Они словно бы изнутри искрились серебром.

– Арестовали? – с хозяйки мигом слетело ее напускное высокомерие, – Что произошло?

Коротко и сухо Терри поведала о том, чему стала свидетельницей всего пару часов назад. Кое-что она упустила, к примеру, встречу с дворецким Стерсом или то, что отец отправил ее за город, но сделала это умышленно: тетку в свои планы посвящать Терри не хотела. Все, что ей сейчас было нужно – пристанище и свобода, а вот чужое вмешательство было бы совсем не к стати.

Однако Фо повела себя совсем для Терри неожиданно.

– Терран влип в скандал, – с недоброй усмешкой произнесла женщина, по-кошачьи прищурилась и опять лениво откинулась на софу. А Терри с неприятным удивлением вдруг поняла, что известие отнюдь не опечалило тетку, нет, та и не думала огорчаться и даже не делала вид, что расстроена! Еще несколько минут назад девушка твердо решила держать тетку в стороне, не просить ее помощи, не ждать утешения, но откровенное злорадство Фо почему-то оскорби-

ло. Умом, зная снобизм своего отца и прочих Ангиров, Терри ее понимала: Фредебокине не за что благодарить своих родственников, демонстративно отказавшихся от нее, даже если причина была весомой. Не за что им сочувствовать. Не за что их уважать. И она, Терри, ничем не заслуживала другого к себе отношения, она ведь всего лишь дочь своего отца. Но сейчас, в этот момент, девушка почувствовала себя совершенно одинокой и глубоко несчастной. Непроизвольно сжав в кулаки руки, лежавшие на коленях, Терри опустила голову и попыталась взять себя в руки. А потому не видела, как изменился направленный на нее взгляд Фо.

– Терран с самого детства знал, чего хочет, – ровно сказала хозяйка, в горько-сдержанной улыбке искривив губы, – А хотел он респектабельности и власти, уж не знаю, чего больше. Он стал до тошноты добропорядочен и манерен. Честь семьи для него значила все и он делал и делает все, чтобы не допустить скандала или того, чтобы светлое имя Ангир на все лады полоскали досужие сплетники. А мне всегда было плевать на это. В двадцать один год, став совершеннолетней и выйдя из-под опеки своего дяди, я сразу же вышла замуж, причем по большой любви. Моим избранником стал третьеразрядный маг незнатной фамилии, помешанный на трюкачестве и иллюзиях, но, увы, бедный, как бродячий кот. Халлер Торвиль! И это было бы ничего, не будь у него репутация повесы, дебошира и пьяницы. Семья не выдержала такого позора и дружно отвернулась от меня. На мои деньги, до-

ставшиеся мне после матери, Халлер открыл театр. Делец он был никудышный, а я была слишком влюблена и глупа, поэтому через три года мы полностью разорились. Я отбросила собственную гордость и попросила Террана вытащить Халлера из долговой тюрьмы. Но мой благочестивый братец решил, что урок для меня полезнее помощи, и отказал. Я все-таки нашла деньги и спасла мужа, однако Террана не простила и ославил его в обществе. Признаю, это было не лучшее решение, но я тогда была очень зла. Очень. Пребывание в тюрьме для Халлера не прошло даром, он зачах и через полгода умер. Терран прислал сдержанное соболезнование, я отправила его обратно. С тех пор мы не разговаривали и не переписывались.

– Совсем? – ужаснулась Терри.

– Примерно, – невесело усмехнулась Фо, – Так что, девочка, не удивляйся, что во мне нет родственных чувств к Террану. Понимаю, тебе неприятно это слышать, но я предпочла бы оставить Террана его доле. Узнать, что такое тюрьма, ему не повредит. Он наверняка скоро выйдет оттуда, у него просто дар вставать на все четыре лапы...

– Я не прошу о помощи, – быстро проговорила Терри, после столь откровенного рассказа испытывая к этой странной женщине слишком противоречивые и двойственные чувства и в глубине души разделяя ее отношение к Террану, однако не решаясь себе самой в этом признаться, – Если бы я могла хотя бы на время остановиться у вас...

Фо рассмеялась, некоторая скованность, вызванная несвойственным ей откровением, исчезла без следа.

– Терранита, девочка моя, в моем доме уединения я не гарантирую! Но будь моей гостьей столько, сколько пожелаешь!

Протянув руку к столику, хозяйка взяла маленький серебряный колокольчик и позвонила в него. Через несколько минут гостью, мало обратившую внимания на слова Фо, провели в хорошенькие гостевые покои, состоявшие из просторной гостиной и спальни и выдержанные в бело-голубых тонах. Слуги доставили ее скудный багаж, горничные распаковали вещи и разложили их по полкам, и Терри присела на уютную скамью под широким окном эркера, раздумывая о том, с чего бы ей начать...

По правде сказать, поначалу в голову приходили совершенно безумные и фантастические идеи, и только когда они закончились, девушка смогла рассуждать более-менее здраво и логично. А еще некоторое время спустя Терри осознала, что неодолимая жажда действий, причем любых действий, снедавшая ее с того самого момента, как Терран Ангир оказался загнан в казенный фургон, тоже несколько поутихла, уступив место трезвому расчету. Ну, или сравнительно трезвому: Терри была слишком обеспокоена, чтобы оставаться невозмутимой и холодной. В конце концов, все ее планы свелись к нескольким: прорываться на аудиенцию к королю, искать помощи у Главы Совета магов или подкупить начальни-

ка тюрьмы, чтобы организовать отцу побег. Можно организовать что-то одно, однако надежнее – все сразу.

Задачи не из легких, но надо же с чего-то начинать? А в том, что она просто так не отступит и руки не опустит, де-вушка не сомневалась.

Осторожный стук в дверь оторвал Терри от раздумий. Эвани казалась еще бледнее обычного, светло-русый, почти белый цвет ее волос сейчас сделал кукольно-фарфоровое личико экономки серым и усталым. Сообщая о том, что она остается здесь, на попечении тетки, Терри предложила Эвани считать себя свободной от службы в доме Ангира, по крайней мере на время, пока не прояснится судьба Террана, но молодая женщина восприняла намек на то, что ей вежливо предлагается остаться в стороне от постигшего семью королевского мага скандала, как оскорбление.

– Ты хорошо устроилась? – с улыбкой обернулась Терри.

– Да.

В коротком слове, равно как и в поджатых губах Эвани явно крылось неодобрение, но Терри сделала вид, что не заметила этого, и тем более не стала ни о чем спрашивать – сегодня с нее довольно поучений и чужих проблем. Однако экономка не вняла предупреждению в виде недвусмысленного молчания хозяйки, судорожно сцепила руки и прошла вперед.

– Этот дом, госпожа Терранита... он неблагонадежный.

– Благонадежный? – удивленно переспросила Терри,

живо оборачиваясь.

– Наверное, здесь часто принимают гостей, – неуверенно начала Эвани, комкая в руках платочек, – В левом крыле, как я заметила, несколько больших открытых залов и гостиных, и столы расставлены... всякие... а еще доставили много провизии, намного больше, чем нужно для обычного приема...

– Я не понимаю твоих намеков, Эвани, – раздраженно прервала ее Терри, – Мало гостей или много, много они едят или нет – меня это совершенно не касается! Может, будет грандиозный бал. Тетя не обязана его отменять, если ее брат попал в тюрьму! А если тебе не нравится здешняя обстановка, я тебя не держу!

Экономка побледнела еще больше – хотя куда уж больше, казалось! – прошептала нечто невразумительное и вышла. Терри шумно выдохнула: обижать Эвани она не собиралась, но и выслушивать ее бесконечные предостережения и ужасания не хотела.

Впрочем, о том, на что чересчур деликатно намекала экономка, девушка узнала уже к вечеру.

Ужин с Фо прошел в непринужденной обстановке: хозяйка оказалась мастерицей светской беседы, к тому же ей очень хотелось отвлечь девушку от неприятных дум, поэтому Терри не чувствовала никакой неловкости и стеснения и охотно делилась своими впечатлениями о погоде, уроках, нечастых поездках за пределы Лилиена... То, что девушку беспокоило больше всего – арест Террана, на ужине даже не упомина-

лось, и, как решила гостья, не только потому, что вокруг стола бесконечно сновали слуги. Хозяйка намеренно обходила эту и все связанные с семьей темы стороной и Терри окончательно уверилась, что неприятности брата ее ничуть не волнуют. Зато сама Терри только утвердилась в своем намерении поутру приступить к делу – жажда действий не давала ей покоя. Впрочем, до безрассудства дело пока не доходило.

Выскальзывая из-за стола, Фо с дружеской, но чуть холодной улыбкой обернулась к племяннице:

– Оставайся в своих комнатах – тебя никто не посмеет тревожить. У входа в эту половину дома будет стоять Каперс, можешь ему всецело доверять – сторожевой пес ему и в подметки не годится. Как ты, наверное, догадалась, вечером у меня будут гости. Я тебе не запрещаю выходить к ним, но ради твоего же спокойствия не советую это делать.

Терри едва удержалась от дальнейших расспросов, но удивление, явственно отразившееся на ее лице, скрыть не смогла.

Фо одобрительно кивнула и молча вышла из столовой.

Два часа спустя Терри, присев на скамью у окна эркера, с живым интересом наблюдала, как к парадному крыльцу дома одна за другой подъезжают роскошные кареты и коляски. Эвани, сославшись на сильную головную боль, из своей комнаты не выходила, а потому Терри пришлось развлекаться в одиночестве, благо ряд горящих фонарей, полукругом обрамлявших подъездную дорожку, позволял в деталях

рассмотреть и дверцы карет с гербами, и самих гостей... Батюшки, да сколько же их? Терри вовсе не собиралась глазеть, однако долго удержаться от любопытства не смогла. Она с удивлением узнала в высоком благообразном господине, державшемся так прямо, словно кол проглотил, графа Сислира, известного королевского обвинителя, а в уса- том щеголе, разряженном в малиновый камзол и чудовищ- ных размеров шляпу с перьями, – виконта Дамартея, наслед- ника весьма уважаемого и дорогостоящего графского титула Улариков. Подъезжали и ничем на первый взгляд не приме- чательные гости в довольно скромных нарядах. Были среди посетителей и дамы. Терри очень заинтересовала женщина в белом струящемся плаще с капюшоном, потому как герб ее кареты был более откровенен, чем она сама. Неужто са- ма графиня Карайни? Здесь? Как удалось Фо заполучить на свой раут столь знатных и богатых особ? Из высоких окон всех трех этажей левой части дома лился призывный свет, но разглядеть, что там происходит, было невозможно: окна эркера правой стороны дома не радовали хорошим обзором. Потом подъехала еще одна карета, из которой вышел круг- лый как бочонок господин... Далее Терри не раздумывала. Чем бы ни руководствовалась Фо, оберегая племянницу от светских пересудов – ее ли спокойствием или собственным, а прятаться она не станет, тем более когда удача сама идет ей в руки: среди приехавших девушка узнала знакомого придвор- ного, который мог бы устроить ей встречу с королем... По-

звонив горничной, девушка бросилась переодеваться к приему.

Примерно через час, с удивлением уняв волнительный стук сердца, Терри ступила на парадную лестницу, ведущую вверх. Хозяйка дома, как ей и полагалось в начале любого приема, уже покинула свой почетный пост у входа, встретив всех гостей и проводив их в залы – через прикрытую дверь доносились голоса и легкая музыка. В нижнем холле оставались лишь слуги, проводившие девушку оценивающими взглядами, да пара припозднившихся гостей, занятых своими плащами, перчатками и шляпами. Терри немного досадовала, что опоздала к началу приема, но виной тому была дотошность горничной, которую к ней приставила Фо: пока последняя шпилька не уложила последний непослушный локон девушки в прическу, несносная Эмина не оставила ее в покое. Спорить в чужом доме Терри не хотелось, а потому пришлось подавить нетерпение.

Лакей распахнул перед девушкой высокие, украшенные затейливой позолоченной лепниной двери. Терри показался несколько странным и неуверенным его взгляд, брошенный на нее, она даже украдкой глянула на себя в огромное зеркало, висевшее рядом. В нем отразилась хорошенькая рыжеволосая девушка в бледно-зеленом, расшитом по подолу ландышами платье с кружевной молочно-белой шалью на плечах. Просто, элегантно, со вкусом. Ничего необычного – девушка как девушка. Так чему тут удивляться? Тому, что она

одна, без сопровождения? Подумаешь! Терри гордо приподняла подбородок и, не глядя больше на лакея, прошла в большую светлую залу, откуда доносились бодрые голоса, смех и негромкая музыка. Но она не сразу поняла, что означает множество столов и столиков с сидящими за ними людьми. А когда увидела, чем занимаются эти самые люди, в замешательстве остановилась на полпути, оказавшись ровнехонько на дороге у некоего расфранченного господина, спешившего в другой конец залы. Мужчина витиевато, но очень поспешно извинился, а Терри перевела дух и взяла себя в руки. Карты? Здесь играют в карты? Это... это... притон?

Игра в карты светскими приличиями не запрещалась и в настоящее время была весьма и весьма популярна среди лилиенской знати, но Терран Ангир крайне не одобрял сие занятие и категорически запрещал Терри даже брать карты в руки. Само собой разумеется, дочь на запрет ответила тем, что втихомолку изучила правила двух наиболее популярных игр, кенты и дребета, и украдкой поигрывала со скупающими матерями и братьями своих подруг, если выдавался случай. Играла она посредственно, если не плохо, но улучшать свою игру не слишком-то и старалась: склонности к азартным играм у нее не было, хороших учителей и соперников ей не попадалось, а для поддержания духа противоречия требованиям отца и того было достаточно. Терри часто доводилось наблюдать за игрой знатных дам в светских салонах, однако за молодостью лет играть ее не приглашали, а у нее са-

мой желанием быть привязанной к столу с тремя скучными и ворчливыми матронами в течение по меньшей мере получаса никогда и не было. Однако здесь играли совсем по-другому. Терри почти осязала горячий и волнительный дух азарта и страстей, наполнявший подобно густому пряному аромату воздух трех расположенных анфиладой друг за другом обширных светлых зал. Или это неизвестный аромат будил в ней неведомые прежде чувства? Половина карточных столиков была уже занята, за ними играли по двое, четыре, десять человек, немало зевак стояло вокруг, подбадривая или насмехаясь над игроками; кое-кто уже расположился в столовой – девушке были видны столы с закусками и напитками через раскрытую дверь далеко справа.

Терри заметила на себе оценивающие взгляды, невозмутимо тряхнула головой и прошла вперед. Ее интересовало здесь одно: приватная беседа с одним-единственным человеком, которого нужно бы еще найти, однако царившая атмосфера возбуждения отвлекала ее внимание от достижения прямой и конкретной цели. Все было таким необычным и манящим... Девушка сдалась и сказала сама себе, что прежде всего ей следует осмотреться.

У дальнего, самого большого стола, окруженного толпой расфранченных мужчин, раздавались взрывы смеха. В какой-то момент закрывавшие стол фигуры разошлись и Терри увидела то, что заставляло мужчин пчелами виться вокруг него. Вне сомнений, это была Фо. Очаровательная хозяйка

салона была банкометом, с ловкостью управляясь и с картами, и с игроками, раздавая направо и налево улыбки и снисходительно принимая комплименты. Она держалась легко и непринужденно и вместе с тем с достоинством. У ее левого плеча стоял привлекательный темноволосый мужчина лет тридцати, одетый дорого, модно и с несомненным вкусом. В игру он не вступал, однако внимательно следил как за ее ходом, так и за игроками.

Терри остановилась, не дойдя до стола нескольких шагов. Человек, которого она так искала, сидел как раз напротив Фо и задумчиво перебирал карты: бокал с вином, стоявший на приставном столике рядом с ним, был еще полон, стопка монет еще не поредела, а энтузиазм игрока еще не перешел в глубокое и печальное уныние. Девушке ничего не оставалось делать, как поджидать удобного момента в попытке оторвать его от игры.

Фо заметила племянницу, при этом на ее красивом лице не дрогнул ни один мускул: она по-прежнему мило улыбалась и одаривала подбадривающими взглядами окружающих ее мужчин. И все же появление Терри незамеченным не осталось. Короткий выразительный взгляд, несколько тихо произнесенных слов – и мужчина, стоявший позади Фо, отчалил от своей удобной пристани.

– Госпожа... Терранита? – мягко спросил он, склоняя великолепную голову в легком поклоне, – Фо просила меня быть Вашим сопровождающим.

У незнакомца были очаровательная улыбка и обходительные манеры. Чуть выше среднего роста, стройный, но не атлетически сложенный, с чертами лица скорее тяжеловатыми, чем тонкими, что отнюдь его не портило, а придавало мужественности и неуловимого обаяния... Красавчик был предельно вежлив и предупредителен, поведение безупречно, одежда изысканна... Терри, узнав о роде занятий своей тетки, сразу припомнила все дурное, что говорилось о ней в семье, и с сожалением подумала, что такая оценка могла быть не так уж и далека от действительности. Само собой разумеется, трудно было не смотреть подозрительно и на друзей и знакомых Фо. А этот приятель с его оценивающей улыбочкой тем более настораживал – Терри казалось, что ее умело раздевают прямо на глазах у почтенной... о, и не совсем почтенной публики.

– Терри, – быстро ответила девушка, – Но мне не нужно сопровождение.

– Фо так и думала, – с мягкой снисходительностью заметил мужчина, аккуратно подхватывая гостью под локоток, – И все-таки я рискну предложить свое общество. Меня зовут Дир Спапалера, я компаньон Фо. Она просила позаботиться о тебе.

В голосе мужчины чувствовалась легкая насмешка и Терри неожиданно вспыхнула. Она не маленькая девочка и вполне способна за себя постоять! И не нуждается в дурацкой опеке! Ее руки непроизвольно сжались в кулаки, она

бросила негодующий взгляд на тетку, однако та счастливо избежала испепеления, опустив глаза на лежавшую перед ней колоду карт.

– Тебе не стоит ни о чем беспокоиться, – тонко усмехнулся Дир, неторопливо перехватывая девушку за запястье и продевая ее руку через свой согнутый локоть, – Если захочешь играть, Фо даст неограниченный кредит. Ну, почти неограниченный.

– Я не собираюсь играть, – возмутилась Терри.

– Да? – холеная бровь выгнулась дугой, а карий глаз, обращенный к девушке, блеснул весельем, – Тогда тебе наверняка будет интересно местное общество. Не буду хвастать, но салон госпожи Фо сейчас самый модный во всем Лилиене.

– Салон? – не удержалась от ехидства девушка, – Скажите лучше, игорный дом.

Дир еще более беспечно рассмеялся.

– Мое милое дитя, – мужчина легонько сжал ее пальцы, лежавшие у него на предплечье, и настойчиво поволок ее прочь от игрового стола, за которым сидела Фо, – Если сегодня наши гости желают играть, мы предлагаем им карточные столы, нераспечатанные колоды карт и изысканных партнеров. Если завтра кто-то пожелает потанцевать, здесь будет играть оркестр и пары медленно закружат по залу. Если послезавтра кто-то захочет устроить литературные чтения, ты увидишь ряды стульев, столики с закусками и напитками и самых модных сочинителей Арнаха. Просто сегодня втор-

ник, а по вторникам, четвергам и субботам у нас карточные дни. И это не мешает спорить о политике, встречаться за чашкой чая и даже танцевать, если пожелаете. Я развеял твои опасения?

Терри заглянула в его глаза весьма подозрительно, ожидая увидеть там насмешку, но не увидела, тогда она медленно кивнула и оглянулась уже куда благожелательнее. Дир умел очаровывать, а девушка с подобными ему повесами и авантюристами просто никогда не встречалась.

Публика, в подавляющем большинстве состоявшая из мужчин, и вправду была изысканная. Модные, расшитые золотом и серебром наряды, драгоценности, запах роскоши и больших денег... Пожалуй, подобное место на низкопробный притон отнюдь не походило.

Терри заметила, как Фо подняла глаза, посмотрела на Дира, улыбнулась и опять отвернулась.

– Вы и Фо ... э..., – Терри выразительно перевела взгляд с Дира на Фо, но произнесла фразу вслух, осознала крайнюю нетактичность своего замечания и стушевалась; мужчина же понимающе рассмеялся и повел ее дальше, лавируя между гостями.

– Нет, нет, мы просто друзья и деловые партнеры. Ничего личного, – сообщил он столь располагающим тоном, что Терри непроизвольно улыбнулась и оттаяла, – А теперь я расскажу, кто есть кто.

Его описания, сказанные негромко и доверительно, были

метки, забавны, но порой и излишне язвительны. Дир оказался весьма и весьма осведомленным: он сумел рассказать хоть что-нибудь о каждом человеке, на которого падал взор Терри. Похоже, случайных людей в этот дом не приглашали, решила девушка.

Терри не сразу обнаружила, что компаньон Фо полностью завладел ее вниманием: знакомил девушку с респектабельными гостями, представляя ее «юной племянницей нашей дорогой Фо», умело уводил от молодых повес, чуть ли не бросавших игру при приближении хорошенькой молодой девушки, рассказывал невероятные и забавные истории, которые Терри слушала с открытым ртом... Прошло немало времени, час или два, прежде чем девушка вспомнила, зачем она вообще сюда пришла. Случайно увидев господина Мореля, помощника королевского церемониймейстера, отошедшего от очередного карточного стола и украдкой мрачно пересчитывающего монеты, она спохватилась и оглянулась на Дира. Он был прекрасным собеседником, в другое время она бы рада поговорить и дольше, однако его присутствие мешало ее планам. В какой-то момент она выразительно вздохнула, коснулась затянутыми в шелковые перчатки пальчиками губ и неуверенно произнесла:

– О... лимонад?!

– Какие сомнения? – подхватился Дир и повел ее в сторону столовой.

– Нет, нет, – улыбнулась она и быстренько присела на кра-

ешек софы, очень кстати подвернувшейся, – Я здесь подожду.

Улыбка Дира стала чуть более натянутой, но он послушно кивнул и ушел. Едва он сделал несколько шагов, как Терри уже нагоняла взъерошенного толстяка, красные щеки и тоска в глазах которого явственно свидетельствовали о постигшем его неописуемом разочаровании. Помощник королевского церемониймейстера бесцельно бродил между столами, решая, поддаться ли ему искушению сыграть еще раз или продолжать бороться с самим собой под угрозами здравого смысла.

– Господин Морель? – Терри была само очарование, однако на толстяка это не произвело никакого впечатления. Он тупо уставился на девушку, озабоченный лишь вопросом проигрыша.

– Я Терри Ангир, господин Морель, мы с вами встречались...

Имя Ангира произвело на помощника королевского церемониймейстера неизгладимое впечатление. Он выпучил глаза, толстая нижняя губа его обвисла в полнейшем безволии, а из горла вырвался придушенный не то хрип, не то стон. Терри, идя напролом вопреки сим откровенным предостережениям, мило продолжила:

– Какое счастье, что я вас здесь встретила, господин Морель. Могу ли я просить у вас об одной услуге?

Терри понимала, что к вопросу об услуге следует подхо-

дить не так быстро, следовало сначала разговорить толстяка, немножко польстить, побеседовать на отвлеченные темы, но сейчас это почему-то не получалось. Терри нервничала, а вот Морель был явно перепуган.

– Я... э-э-э, вспомнил, – вытащив откуда-то из кармана необъятного размера носовой платок, толстяк спешно отер внезапно взмокший лоб и трясущиеся щеки, – Мне... идти... Уже пошел... Меня ждут. Э-э-э... Разрешите откланяться.

Не успела Терри и глазом моргнуть, как господин Морель, едва ли не расталкивая почтенную публику, рванул к дверям.

Фо. Волк в овчарне

Дир, вернувшийся с двумя высокими бокалами, с досадой громко поцокал языком, увидев свою подопечную подходящей к Морелю.

– Ничего страшного, – спокойно сказала Фо, неожиданно оказавшаяся за спиной Дира. Женщина взяла у компаньона бокал с лимонадом и сделала небольшой глоток, – Девочке полезно разок удариться головой о стену.

– Она совсем еще ребенок, Фо, – недовольно пробурчал Дир, – Зачем ты сюда ее притащила?

– Если я правильно поняла мою маленькую племянницу, ее не притаскивают, она предпочитает приходить сама. И такая малость, как запрет, ее не остановит.

– Ты позволишь ей действовать самостоятельно?

Фо молча пожала плечами. Она безмятежно улыбалась, на ее выразительном тонком лице не было ни следа раздражения или неудовольствия. Но маска вежливого безразличия не обманула мужчину, стоявшего рядом.

– Что случилось, моя радость? – ровно спросил Дир, бросив еще раз пристальный взгляд на компаньонку и пригубив вино, – Ты чем-то расстроена?

– Знаешь, что больше всего меня удивляет? – страстность не на безмятежном лице, но в голосе, с которой Фо произнесла эти слова, подтвердила догадки Дира, – Такой скандал,

как арест фаворита короля, событие обычно не афишируемое до поры до времени. Обычно о нем говорят по секрету, передавая подробности на ухо, спеша поделиться новостью. Обычно слухи весьма разноречивы и полярны – можно услышать десятки разных причин немилости фаворита, прежде чем узнаешь правду. Но сейчас происходит нечто странное, Дир. Всем известно одно и то же – Терран покушался на короля, потому что его подкупил Берной. Тебе это ничего не говорит?

– Его подставили, а слухи – часть этого? – апатично предположил Дир, рассеянно раскачивая бокал и помешивая насыщено-красное вино. Если неожиданная забота о брате, которого Фо обычно называла чем-то нелестным вроде «напыщенный болван», и удивила компаньона, то виду он не показал.

– Хотя я и не люблю своего заносчивого братца, но сомнений в этом у меня нет.

– И что здесь странного? Чем выше взлетаешь, тем больше падать. Разве твой брат не понимал, на что идет? Фаворита можно сместить тысячами разных способов, но обвинение в государственной измене – самое действенное. Да и почему ты решила, что он безгрешен? Может, он просто получает по заслугам?

– Что-то происходит, Дир, – озабоченная Фо, казалось, совсем не расслышала последних замечаний компаньона, – Я чувствую, что-то происходит... Грядут какие-то события...

– О, а это и вправду событие, – со странным смешком произнес Дир. Удивленная тоном сказанного, Фо проследила за его взглядом и обернулась. В дверях Лиловой залы стояли двое только что пришедших гостей. Одним был граф Руерс, импозантный молодой человек с большими деньгами и непомерным самомнением. Его модный бирюзовый камзол был густо расшит золотыми гранатами и лианами, кружева белоснежной сорочки легким облаком витали вокруг его улыбающегося симпатичного лица и утяжеленных кольцами ручек. А вот второй мужчина хозяйке был незнаком. Это был очень высокий крепкий мужчина лет под сорок с темными волнистыми волосами, с худым жестким лицом, твердым ртом, волевым подбородком и на редкость неприветливым цепким взглядом то ли серых, то ли голубых глаз. Одет он был довольно просто, не вызывающе, однако несколько старомодно – очевидно, одежда для него значения имела мало. Темно-синий камзол, лишенный каких-либо украшений, зато превосходно подчеркивающий внушительную ширину мужских плеч, неброский полосатый жилет, светлые бриджи... Только отменный покрой одежды и изящество тонкого кружева сорочки говорили о том, что человек одевался отнюдь не в трущобах Лилиена.

– Кто это? – Фо даже слегка вздрогнула, когда глаза незнакомца остановились на ней – словно два бурава вонзились ей в мозг.

– Глазам не верю, – нервно хихикнул Дир и его тонкие

ноздри неожиданно возбужденно раздулись, – Неужто сам Рейк Орсет? Неужто нам повезло заполучить птицу такого полета?

– Орсет?

– Милая, да что это с тобой? Это один из самых богатых людей во всем Лилиене! Здорово знаменит своей коллекцией драгоценностей, однако поговаривают, что его коллекция магических артефактов, которую видели лишь немногие счастливики, еще лучше! Ты не смотри, что он одет, как лавочник, он большой оригинал. Если он пришел сюда растрясти свой пухлый кошелек, давай поможем ему в этом! Лично я – с превеликим удовольствием!

– Коллекция артефактов? – оценивающе прищурилась Фо, – Так он маг?

– Забавы ради, – кивнул Дир, – Зачем ему служить при его-то деньжищах?

Между тем граф Руерс уже заметил хозяйку и шел к ней мелким семенящим шагом, широко улыбаясь.

Положенные слова приветствий были сказаны, представление состоялось, новопознакомленные обменялись ничего не значащими фразами, а Фо никак не могла избавиться от ощущения неприязни, исходившей от стоявшего рядом гостя. Рейк Орсет был настолько высок и широкоплеч, возвышаясь над собеседниками, что отнюдь не маленькая Фо чувствовала себя рядом с ним совсем миниатюрной и уязвимой; он был по-своему красив и привлекателен, но выраже-

ние некоей мрачной решимости на его лице лишало общение с ним всякого удовольствия. Пока хозяйка любезничала с Руерсом и принимала его пространные комплименты, Рейк рассматривал ее без стеснения, придирчиво и с каким-то болезненно-задумчивым интересом. И едва ли не впервые опытная Фо, привыкшая поддерживать непринужденную беседу с самыми различными людьми, была неподдельно смущена. К ее удивлению, заметно нервничал и Дир. Небось, строит планы, как общипать жирного каплуна? Что ж, возможность у него будет.

Гости изъявили желание играть, хозяйка провела их к столам и нашла им компанию, незаметно попросив Дира присмотреть за Терри: девушка в полной прострации стояла посреди зала и смотрела на дверь.

Рейк оказался превосходным игроком. Он умел прекрасно рассчитывать свои шансы, хорошо запоминал карты, умело рисковал. Ставил по-крупному и мало проигрывал, чему хозяйка салона не слишком обрадовалась – а она украдкой следила за ним с того самого момента, как гость переступил порог игровой залы. Игра несколько оживила Орсета, время от времени он даже холодно улыбался, и Фо решила, что первое впечатление о нем оказалось обманчивым: Рейк не был любезным, но и грубостью тоже не бравировал, и на нее теперь обращал внимания не больше, чем на карты или на партнеров по игре. Фо постепенно успокоилась; в конце концов, она даже и не заметила, как оказалась с ним за одним

столом один на один. Это оказалось ошибкой.

– У вас все поставлено с широким размахом.

Беседа не клеилась. Обычно карты не мешали Фо умело заговаривать зубы партнеру, но сейчас она упорно делала вид, что слишком увлечена игрой – сидевший напротив человек непонятно почему заставлял ее нервничать.

– О, да, – безмятежно улыбнулась она, отрывая глаза от карт, – Мы любим гостей.

– Небось, недешево все это стоит.

Слух резанул издевательский тон, глаза Фо на мгновение распахнулись от удивления – если это комплимент, то слишком грубый, если попытка задеть – то слишком откровенная. На человека, способного смущаться в обществе женщин, Рейк не походил. На дурака – тоже. Так чего он добивается?

– Я не считаю каждый дукат, – ровно ответила она, – если вы хотели это услышать. Никогда скрягой не была.

– На что вы живете, госпожа Торвиль? – словно не услышав легкого сарказма в голосе партнерши, напористо спросил Рейк, – На доходы от игры? Предсказания? Или... чем-то другим подзарабатываете?

В первый момент Фо решила, что ослышалась. Но глаза ее не обманывали, а от его откровенно раздевающего и скептического взгляда ей хотелось поплотнее запахнуться в шаль, слишком тонкую, чтобы быть в этом полезной. Так смотрят на женщину, которую хотят купить, но сильно сомневаются

в ее цене.

Фо не без труда подавила в зародыше нарастающий в ней гнев. Если он желает вывести ее из себя, пусть подавится своим желанием.

– А вам какое дело, господин Орсет? – холодно, но ровно осведомилась оскорбленная Фо, не имея ни малейшего желания оправдываться.

– Никакого, – равнодушно подтвердил Рейк и выложил карты на стол, – Вы опять проиграли.

Фо свирепо уставилась на разрисованные клочки картона, не веря своим глазам, потом заставила себя улыбнуться и любезно поблагодарить за игру. Но Рейк, как оказалось, еще только начинал.

– Если вы всегда играете так слабо, то давно должны были разориться, – не обращая внимания на то, что женщина порывисто встала и собралась уходить, он продолжал сидеть, откинувшись на спинку стула и глядя на Фо снизу вверх. Его рука, украшенная перстнем с огромным рубином, походя подхватила стоявший рядом бокал с вином и поднесла его ко рту. Взгляд мужчины был не только бесстыдно-оценивающим, но и презрительным, – Вы красивая женщина, но ваше наследство, кроме этого особняка, давно промотано, муж не оставил вам ничего, семья от вас отказалась, а содержать такой дом недешево. Так на что вы живете?

– Это вас не касается, – прошипела Фо сквозь зубы, с трудом сдерживая себя. Только скандала на виду у всех ей сей-

час и не хватало!

– Как сказать, – загадочно бросил Рейк, встал и неожиданно отошел, оставив женщину в полном расстройстве.

Обычно Фо прекрасно владела собой, как и умела обращаться с мужчинами: держать их на расстоянии или, наоборот, привлекать к себе, забавляться их вниманием к себе было для нее привычной игрой, но этот... этот... Да он не мужчина, он просто монстр какой-то!

Терри. Отложить атаку – не значит сдаться

Терри вполуха слушала очередной рассказ Дира, рассеянно улыбалась, кланялась, говорила положенные приветственные фразы при очередном представлении ей очередного гостя, но мысли ее были заняты одним: сгодится ли кто-нибудь из присутствующих для ее планов. Поспешное бегство господина Мореля явно свидетельствовало о том, что задача попасть на аудиенцию к королю более сложна, чем представлялась вначале, и хоть Терри на легкую победу не рассчитывала, задержка ее раздосадовала. Фо очевидно было плевать на брата – она веселилась в компании какого-то сурового плечистого типа, приветливая, спокойная и невозмутимая, как обычно; Дир почему-то сильно нервничал и утомлял своей болтовней, треща без умолку; гости разочаровывали своей отдаленностью от королевского дворца и планов вызволения Террана Ангира; было поздно; она устала, немного натерла ноги и хотела спать – ночка, если вспомнить, выдалась еще та, – даже одной из этих причин было достаточно для раздражения, а у Терри их было целый ворох. Решив, что карточный вечер в кругу совсем не нужных ей людей, больше не привлекателен, девушка собралась было уйти, когда Дир неожиданно рассеянно извинился, как-

то бескостно выскользнул из круга обступивших их молодых мужчин и исчез за боковой дверью, ведущей неизвестно куда. Никто не обратил на это особого внимания, но Терри, которой ничто теперь не мешало уйти спать, была слегка озадачена. Чуть позже в ту же самую дверь вошел еще один человек – худой, светловолосый, с приметным крючкообразным носом. Казалось, он просто ошибся дверью, ибо практически тотчас вышел, но Дир так и не появился.

Терри прождала еще несколько минут, поглядывая на неприметную дверцу, но потом ее терпение иссякло. Извинившись перед обступившими ее молодыми людьми, девушка ушла в свои комнаты, без помех добралась до приготовленной постели, самостоятельно разделась, стараясь не шуметь и содрогаясь от одной только мысли, что ее услышит настырная горничная и примчится помогать, и уснула, едва только ее голова коснулась подушки. Как бы ни были неотложны ее дела, им придется подождать до завтра.

Фо. Между молотом и наковальней

Фо была раздосадована, обижена и еще больше – разъярена. Она была привлекательной женщиной не без известной доли трезвой самокритичности, а потому не исключала, что кому-то могла не нравиться и даже очень не нравиться. Но какие причины столь откровенно презирать и ненавидеть ее были у этого мужчины, с которым она до сего вечера ни разу и не встречалась? Ведь должны же быть какие-то причины помимо неопределенной и немотивированной антипатии? Его раздражает то, что она содержит игорный дом? Или он просто не терпит независимых женщин? Или решил, что она содержанка? Что ж, особой добродетельностью похвастать Фо не могла, да и смешно было бы с ее опытом и багажом замужества говорить о добродетельности, но и разнузданной распущенности в ней никогда не было. Да, поклонников у нее было много, но именно поклонников, и не больше. Иногда ей нравилось слышать про себя нелепые сплетни о вереницах любовников, иногда это ее оскорбляло, однако трогало, по сути, мало. Но в устах Рейка намек на то, что она телом зарабатывает себе на жизнь, прозвучал не просто оскорбительно... Даже вспоминая тон сказанного, женщина выходила из себя! А его взгляд! А может, он решил, что она нечестно играет и позволяет другим мошенничать? Фо содержала игорный дом, благопристойно называемый «сало-

ном», не один год, и не один год держалась на плаву, избегая разорения лишь благодаря своей изобретательности, уму и опыту. Она и Дир, ее старый и верный приятель, могли сразу распознать шулера, в их салоне никогда не были замечены крапленые карты, а магическая защита от применения недостойных честной игры сил была одной из лучших в городе – на это денег не жалели. Сюда приходили с полной уверенностью в том, что игра здесь честная, еда добротная, напитки превосходные, а общество исключительно изысканное. Но если «салон» ни разу и не был замечен в скандалах, связанных с мошенничеством, то лишь благодаря умению Фо избежать этого самого скандала и разрешить все миром, а еще способности Дира припугнуть незадачливого шулера, осмелившегося демонстрировать свои сомнительные таланты в их игорном доме.

Фо негодовала. В уме она находила все новые и новые ответы непристойному намеку Рейка Орсета, все больше и больше распаляясь, пока не поняла, что дошла до крайности. С чего это она так кипит? Зачем ей вообще оправдываться? Кто он такой, этот Рейк Орсет, чтобы указывать ей, что делать? Он оскорбил ее, зачем-то провоцируя на скандал, но она ведь не такая простушка, чтобы поддаться на нарочитую бестактность? Нет, скандала не будет. Только не здесь. И не сейчас. Она сумеет отплатить ему той же монетой, когда он не будет того ожидать. Даже если ей придется дожидаться этого шанса очень долго!

Она рассеянно бродила по залам, привычно любезничала, вежливо улыбалась, но – удивительное дело! – даже спиной чувствовала, где находится Орсет. Ее приглашали играть, она умело отказывалась, ссылаясь на обязанности хозяйки; ей всучили бокал с вином – она выпила его, даже не почуввав опьянения; какую-то скандальную историю она выслушала с полагающимся смехом и восклицаниями, но если бы ее позже спросили, о ком или о чем шла речь, она бы не вспомнила. Озабоченная собственным смятением, Фо не видела, как исчез Дир, она не заметила, когда ушла Терри, все мысли о Терране улетучились из ее головы. Только Орсет. Один злополучный Рейк Орсет. Ни один вечер не тянулся так долго, никогда еще она так не хотела, чтобы он закончился.

– Я, кажется, был не очень любезен с вами.

Когда холодный низкий голос произнес это за ее спиной, Фо буквально подпрыгнула. Она обернулась, ее глаза сверкали от злости, но сумела удержаться от дерзких слов и лишь нервно поджала губы.

– Я не хотел с вами ссориться, я пришел не за тем.

Что за странный человек! Даже извиняясь, он ни на сколько не смягчился, произнося слова так, словно нехотя выдавливал их из себя.

– Зачем же? – сухо поинтересовалась Фо.

Рейк опустил глаза, на его щеке неожиданно дернулся мускул, тонкие губы еще больше сжались, превратившись в прямую жесткую линию. Несколько секунд он молчал.

– Мне известно про ваш дар, госпожа Торвиль, дар... э... э... предсказания. Не окажете ли любезность...

– Вы хотите, чтобы я испытала для вас Судьбу? – с оттенком презрительности и неверия фыркнула Фо, перестав сдерживаться, – Зачем вам это?

– Вы считаете, только женщины желают знать, что их ожидает в будущем?

– Я считаю, что вы не тот, кто полагается на Судьбу, – отрезала Фо, – Вы из тех, кто на нее плюет!

– Возможно, вы ошибаетесь?

Несколько долгих секунд Фо всматривалась в жесткое, не улыбочливое лицо, пытаясь прочесть то, что скрыто за его непроницаемостью. Рейк явно что-то задумал. Женщина совершенно не сомневалась, что за его нетривиальной просьбой скрывается какая-то гадость. Она могла бы отказаться, но... Но вряд ли он удовлетворится отказом, а если предпримет вторую попытку, может опять застать ее врасплох, да и вообще она никогда не уходила от схватки, предпочитая игру на собственных условиях. А в данном случае лучших условий и придумать трудно.

– Хорошо, – без тени улыбки сказала она, – Когда вы пожелаете...

– Прямо сейчас, – бесцеремонно перебил он.

Фо задержала дыхание и медленно выдохнула. Ярость переполняла ее и готова была перелиться через край. А это совсем недопустимо. Он бросал ей вызов. Она способна до-

стойно на это ответить.

– Я должна найти своего компаньона, – с предельной вежливостью сказала она, – Хозяйка не может покинуть гостей просто так.

– Компаньона? – негромко повторил Рейк таким уничижительным тоном, что у Фо сильно зачесалась рука дать ему пощечину. Но она удержалась. Она не позволит ему вывести ее из себя. Не сейчас. Она отомстит на своих условиях. Просто он еще не понял, какое оружие дает ей в руки своей просьбой сделать на него расклад.

Дира нигде не было. Если бы Рейк не бродил за ней следом, как тень, Фо заглянула бы во все углы левого крыла особняка, о которых гостям знать не положено, а так она просто нашла дворецкого и попросила его предупредить господина Диру да присмотреть за всем. Обычно такого не случилось, чтобы никто из распорядителей приема не присутствовал среди гостей, но для Броксби не было в новинку следить за порядком, а Фо прекрасно знала, что на своего преданного старого слугу вполне может положиться.

– Я буду в Бархатном будуаре, Броксби. Как обычно, меня не беспокоить.

Дворецкий не выказал никакого удивления – о том, что происходит в Бархатном будуаре, он знал хорошо, однако же не смог удержаться от любопытного взгляда на Рейка Орсета: мужчины, а тем более столь решительные и волевые, редко обращались к его хозяйке оказать ее специфическую

услугу.

В том, о чем просил гость, ничего необычного не было, однако на деле Фо не каждый раз соглашалась предсказывать на рунах, ибо к этому делу относилась очень серьезно и ответственно. Она никогда не мошенничала, но однажды столкнувшись с тем, что правду о самом себе не каждый способен выдержать, стала весьма осмотрительна в оценках и выводах. Почему она сделала исключение для Рейка? Не могла не поддастся искушению осадить наглеца, мстительно говорила Фо сама себе, проходя слабо освещенными коридорами к дальним покоям верхнего этажа левого крыла, обычно запираемым во время приемов, и чувствуя за своей спиной тяжелые шаги мужчины и его сдержанное дыхание.

Стены Бархатного будуара, вопреки его названию, были обтянуты черным шелком. Бархатными были тяжелые вишневого цвета портьеры, подушки и обивка мебели: роскошных диванов, софы, кресел. Сочетание темно-красного и черного придавало комнате, которую почему-то звали будуаром, мрачность, золото и светлые тона инкрустированных деревянных панелей – торжественность. Для целей, в которых чаще всего эту комнату использовали, такой интерьер вполне подходил.

Фо неторопливо зажгла висевшие на стене газовые фонари – недавнее модное новшество лилиенцев, и указала своему гостю на одно из кресел, стоявшее рядом с небольшим столиком черного дерева.

Рейк шагнул в будуар и на какой-то миг хозяйка содрогнулась от ощущения, что ей катастрофически не хватает воздуха: мужчина словно заполнил все пространство своей мощной фигурой... Но вот он сел, она взяла себя в руки и выровняла сбившееся дыхание.

Фо принесла из комода, стоявшего в углу, черную резную шкатулку и поставила ее на столик. Инкрустация более светлыми породами дерева делила лакированную круглую столешницу на двенадцать частей-клиньев, но очень немногие люди знали, зачем это нужно. Женщина открыла шкатулку, в ней на черных бархатных ложах в два ряда лежали небольшие прямоугольные пластинки с изображенными на них рунами: двенадцать Дневных рун – на поверхности белого цвета, двенадцать Ночных – черного. Обратная сторона всех без исключения пластинок была кроваво-красной и украшенной позолоченными виньетками.

Фо собиралась уже вытряхнуть броские пластинки на стол, как Рейк сварливо заметил:

– Вы купили их блошином рынке? У вас нет рун получше?

Фо готова была зло ответить, но просто стиснула челюсти и пререкаться не стала, решив, что вернее отомстит этому наглецу и хаму, если прочтет его Судьбу. Тем более, что у нее было нечто, способное посрамить привередливого гостя. Она встала, подошла к стене, немного поколебавшись и незаметно покосившись на скучающе развалившегося в кресле Орсета, провела рукой над скрытым в панели магическим

замком, открыла крохотный тайник и достала лучшее, что у нее было – резную белую шкатулочку из кости левиафана. Которой Фо ни разу не пользовалась, поскольку вещь ей не принадлежала, а была взята на время – но Орсету не следовало об этом знать. Хозяйка достала драгоценный артефакт не для того, чтобы угодить несносному гостю. А утереть ему нос: вряд ли даже он, признанный коллекционер, видал такое редкостное великолепие. Пусть завидует.

Рунные пластинки размером не больше ширины ладони имели двойную печать. Внешняя их поверхность была костяной, с тонкой искусной резьбой, изображающей раскидистое дерево, усыпанное цветами и плодами. Внутренняя поверхность, в зависимости от типа рун, была белоснежно-перламутровой для Дневных или черно-агатовой для Ночных рун. Сами же руны были выложены крошкой из драгоценных камней – свет, преломляясь на их мелких гранях, заставлял магические фигуры искриться и сверкать. Изумительное, великолепное произведение искусств.

Фо присела на краешек кресла напротив Орсета, достала из белой костяной шкатулки одну пластинку, лежавшую в гнезде белого шелка, и любовно провела подушечкой пальца по шероховатому контуру руны, ощущая легкое щекочущее покалывание магии. И только подняв глаза на сидевшего напротив нее мужчину, она поняла, что его молчание не имеет ничего общего с благоговением и восхищением. В первый момент Фо решила, что в мерзком свете ламп ее подводит

зрение, но тут Рейк заговорил и женщине оставалось лишь ошеломленно хлопать ресницами.

– Да, это именно они, – хрипло произнес гость, с трудом сдерживая прущий наружу гнев и вцепившись руками в подлокотники кресла так, что костяшки его пальцев побелели, – Именно эти руны хитрая интриганка, стерва из игорного дома, шантажом выманила у моего сына!

У Фо из горла неожиданно вырвался странный звук – то ли бульканье, то ли сдавленный хрип. Но гость не обратил на это ни малейшего внимания.

– Он признался мне, – Рейк пальцем оттянул кружевной ворот шелковой сорочки и нервно повертел шей, словно ткань душила его, – Он все мне рассказал. Бедный мальчик, я ему сначала не поверил! Его соблазнила женщина на десять лет его старше, а потом шантажировала его! Она и ее любовник, так называемый компаньон, подбивали моего сына на игру, а когда он проигрывал, убеждали его играть в долг, пока этот долг не стал огромным. Но и тогда она была себе на уме: деньги ее не интересовали. Ей нужны были вот эти руны. И она заставила моего сына украсть их у меня, обещая, что иначе расскажет в обществе о том, что он не выплатил долг чести. О, вы очень умелая интриганка и оболстительница, госпожа Торвиль, но теперь я знаю все, сын мне во всем признался! А я не он! Далеко не он! Вам не удастся обвести вокруг пальца *меня!*

Ошеломленная таким заявлением, Фо нервно хихикнула,

но сказать ничего не смогла – слова просто застревали у нее в горле.

– Ах, так вам смешно? – Рейк резко подался вперед и перехватил женщину за запястье. Оказавшись в его жесткой хватке, Фо болезненно охнула и попыталась было вырваться, но с таким же успехом можно было бороться с захлопнувшимся железным капканом, – Я заставлю вас пожалеть о том, что вы вообще коснулись моего сына! Вы зальете горькими слезами каждый дукат, что выманили у него! Вы с вашим любовником Диром Спапалерой будете побираться на улице! Я вас разорю и втопчу в грязь, чтобы всю оставшуюся жизнь помнили, как глумиться над людьми!

Фо замерла, больше не пытаясь вырваться. Мужчина настолько превосходил ее в размерах и мощи, что мог бы справиться с ней играючи: одно неловкое движение – и он сломает ей запястье! Но куда хуже было другое: его гнев то ли произвольно, то ли намеренно вызвал прилив магических сил – через его пальцы, клещами сжимавшие ее руку, Фо чувствовала характерное электризирующее покалывание, причем какой мощи! Если Рейк не возьмет себя в руки, он способен походя снести половину ее особняка. Убеждать его в своей невиновности Фо не собиралась – в таком состоянии он просто не способен слышать кого-то, кроме себя. Нет, она не самоубийца, она вполне трезво оценивала грозившую ей опасность, она очень испугалась, а потому покорно слушала и не возражала. Кровь бешено стучала в висках, в горле

пересохло... интересно, а мог бы он ее убить? И как будет смотреться ее изломанное, изуродованное мощным ударом тело на этом ковре?

– Так у вас есть сын? – тупо пролепетала она.

– Не притворяйтесь, что не знаете его! – еще больше взъярился мужчина и вскочил с кресла, рывком приподняв Фо и опрокидывая круглый деревянный столик. Руны с едва слышным шелестом скользнули по шелковой подкладке шкатулки и посыпались на толстый ковер, – Арьест Хорган его зовут, или вы и сейчас будете отпираться?

– О-о!

Милый мальчик, очаровательно краснеющий в ее общении? Теперь-то Фо поняла, что в Рейке показалось ей знакомым – она обнаружила явное семейное сходство: Арьест был высок, строен, темноволос, вот только черты его лица были полегче, поженственнее, да и решительности и напора отца ему явно не доставало. Юноша не умел толком играть, ставил больше, чем имел, любил прихвастнуть перед друзьями – в общем, мальчишка как мальчишка. Фо не видела в нем особой испорченности и не без оснований полагала, что из-за своей неискушенности он попадет в беду, если не образумится, а потому умело ограничивала его ставки и при случае отвлекала от игры, но это не слишком помогло. Внимание очаровательной женщины оказало ему плохую услугу: Арьест, решивший, что влюблен, пожелал блеснуть перед ней умением играть, но жестоко проигрался. Чувствуя свою

ответственность за мальчишку, Фо попросила Дира как-нибудь уладить этот очень щепетильный вопрос, а через три дня Арьест принес ей шкатулку с рунами и заявил, что поскольку она выкупила его долг, ему ничего другого и не остается, как просить ее принять этот ценный дар в уплату его проигрыша. Об уплате долга Фо ничего не знала, но решила, что это сделал Дир. Прекрасно понимая всю неловкость ситуации и не желая подставлять своего компаньона, она взяла руны с условием, что вернет их в тот же миг, как Арьест найдет достаточно денег, чтобы покрыть долг чести, и сразу заявила, что подобные рунные листы слишком ценны, чтобы быть залогом. Вот как все было. Это случилось всего два дня назад и у Фо пока не было подходящей возможности обсудить произошедшее с Диром и уж тем более она не собиралась обсуждать это с посторонними до тех пор, пока не поговорит с компаньоном.

Но что заставило Арьеста так оболгать ее перед отцом? Мальчик казался таким неиспорченным, таким милым!

Удивленный возглас хозяйки гость принял за признание своей вины.

– Ему только восемнадцать, слышите, вы, расчетливая гарпия! Неужели вам мало мужчин постарше и поопытнее? Оставьте мальчишку в покое! Или к вашей прогнившей совести взывать уже бесполезно?

Фо украдкой облизнула губы, но стояла не шелохнувшись. Она не знала Рейка Орсега и пока так и не успела понять,

что он за человек и как с ним управляться. Но пока он в таком гневе, любое ее слово или действие вполне могло вызвать дальнейший всплеск его ярости и невольное высвобождение разрушительных магических сил, а потому она молчала, ожидая пока Рейк не выговорится. Будь он обычным мужчиной, а не магом, да будь они в обычных, защищенных от магии залах, где Фо, как правило, и принимала гостей, она бы повела себя по-другому, но Бархатный будуар именно для магии и предназначался, а выведенный из себя маг способен на многое.

Неизвестно, чем бы все дело закончилось, если бы в этот момент не раздался осторожный стук в дверь. Рука Рейка непроизвольно разжалась, Фо перевела дух, потеряла запястье и повернулась к двери.

У входа стоял Броксби. Он был чрезмерно бледен и говорил медленнее обычного, тщательно выговаривая слова, но это единственное, что выдавало его необычайное волнение.

– Моя госпожа, – внятно сказал он и запнулся, – Я вынужден... Господин Дир мертв. Его убили.

* * *

Лишь под утро Фо, оглушенная и раздавленная, выпроводила из своего дома и гостей, и двух отвратительных типов из Коронного сыска, больше интересовавшихся ее карточными столами, чем обстоятельствами смерти Дира.

Спапалеру нашли слуги и нашли случайно по струйке крови, текшей по полу: мертвое тело было засунуто в шкаф в одной из подсобных комнат. В груди торчал нож, взятый со стола с закусками в столовой – он лежал в блюде с олениной. Как Дир оказался в той комнате и кто был там с ним – этого никто из слуг не знал. Гостей ставить в известность о случившемся не стали, большинство из них разошлось по домам после полуночи, так и не узнав о печальном происшествии.

Власти решили уведомить уже поутру, однако граф Сислир, неподкупный королевский обвинитель, случайно став свидетелем поднявшейся суматохи, настоял на том, чтобы за сыскарями послали немедленно.

Фо только ненадолго дрогнула, когда смотрела на бескровные застывшие черты своего компаньона, залитую кровью одежду и торчащий из груди нож, но уже через пару минут нашла в себе силы отдавать приказания растерявшимся слугам четко, ясно и недвусмысленно.

В какой-то момент она обнаружила у себя за спиной возвышавшегося горой Рейка Орсета. Ее злость утонула в печали, от гнева остался лишь холодный пепел, от желания мстить – отвращение.

– Послушайте, Рейк Орсет, – она старалась говорить вежливо, но получалось презрительно, холодно и отчужденно, – Я не соблазняла и не шантажировала вашего сына. Вы ясно дали понять, что мне не верите, поэтому убеждать вас в своей невинности не собираюсь. Но я обещаю: мы еще вер-

немся к этому разговору. А сейчас, надеюсь, вы меня простите, но видеть вас больше не могу. Уйдите с глаз моих дальней. Я пришлю вам карточку, когда буду готова к встрече.

Она развернулась и ушла, нимало не сомневаясь, что Рейк, взбешенный такой отповедью, убрался восвояси. Каково было ее удивление, когда оказалось, что он не только не отбыл домой, но и спокойно распоряжается ее слугами! Несносный гость, к удивлению Фо, быстро сумел договориться с Броксби, а младшие слуги мчались исполнять его приказы по одному движению бровей!

У нее уже не было сил спорить и делать это перед слугами тем более было бы глупо. Да и приказы Рейка оказались весьма своевременными и ценными: он, например, позаботился перехватить сыскарей еще до того, как они дорвались до залов с задержавшимися гостями и устроили там шумное представление, и не давал им и шага лишнего ступить, пока они не убрались из дома. Присутствие Рейка мгновенно излечивало всякие позывы к панике, будь то у слуг или склонных к излишней чувствительности знатных гостей, и Фо, как ни была зла на него, не могла не отдать должное его организаторским талантам. Между собой за все это время они перекинулись разве что несколькими незначительными фразами, поэтому когда где-то под утро, предельно уставшая и осунувшаяся, она стояла у тела Диры и тупо глядела на него, голос сзади заставил ее непроизвольно вздрогнуть:

– Вы его... любили?

– Он был моим другом. Другом детства, – не сразу ответила Фо и голос ее был бесцветным и хриплым от невыплаканных слез, – Единственный человек, который никогда и ни в чем меня не предавал. Он был мне настоящим братом.

У Рейка хватило такта не спрашивать дальше. Он сухо попрощался и ушел, а Фо вздохнула с облегчением.

Терри. Самая темная ночь – перед рассветом

О произошедшем ночью Терри узнала за завтраком, который проводила в одиночестве: Фо еще не встала, а Эвани предпочла выпить чашку чая в своей комнате – у нее опять болела голова.

Известие ошеломило Терри. Она никак не могла представить, что жизнерадостный мужчина, столь умело ее развлекавший и отвлекавший от забот, мертв, мало того, жестоко убит. Это было так несправедливо, что на какое время девушка даже забыла об отце, но вид сломленной горем Эвани вернул ее к действительности.

Фо зашла к Терри в комнату, когда та уже была готова выйти из дома.

Соболезнования хозяйка дома приняла спокойно, помимо неестественной бледности, потемневших кругов под глазами и чуть потускневшей улыбки ничто не указывало на то, что она пережила потрясение.

– Но как это случилось? – воскликнула Терри.

– Никто не знает, – покачала головой Фо, – Никто не видел, как и когда он ушел с приема.

– Наверное, я видела, – неуверенно сказала девушка, – Дир словно кого-то увидел, ну, вроде как кого-то ждал и до-

ждался. Он быстро извинился, потом прошел в маленькую желтую дверь... – Терри вопросительно глянула на тетку, та понимающе кивнула, – А потом туда зашел такой светловолосый с огромным носом... О свет! Это он – убийца?

– Светловолосый, носатый, худой? В сиреновом камзоле, расшитом серебром? Ты не ошибаешься?

– Он, он точно! – возбужденно подскочила Терри, – Он зашел следом за Диром в ту же дверь и очень быстро вышел, я даже удивилась, но у него было такое лицо!..

– Наниэн Кэмди? Но почему? – Фо в полной растерянности присела на софу. Но тут же порывисто встала, – Я должна с ним поговорить.

Терри, оставшись одна, тоже недолго медлила. Поняв, что ее тетка теперь полностью погружена в изучение причин убийства своего компаньона, она решила, что ей самой ничто не мешает заняться собственными делами, не менее трудновыполнимыми и тягостными.

В тюрьме Терри отказали в свидании. Государственному изменнику, как сообщил ей неопрятный чиновник с маленькими похотливыми глазками и донельзя засаленным воротником, не полагаются никакие свидания, разве что с личного разрешения самого Короля!

Государственный изменник! Эти слова потрясли Терри даже больше, чем предложенный ей путь решения задачи: через короля, опять короля, все упиралось в короля... Но из-

менник? Терран Ангир не мог изменить! Он был прямо-таки патологически предан Веремизу, он не мог предать! Это ужасная ошибка! Это ужасное, отвратительное заблуждение!

Терри сидела в коляске, совершенно не замечая, куда едет. Притихший Кубир боялся и слово лишнее сказать, увидев хозяйку в столь плачевном состоянии. Он просто кружил по городу, неторопливо ехал, куда глаза глядят, пока через пару часов Терри не встрепенулась и не попросила отвезти ее домой. Но когда коляска повернула в Сурах, девушка с досадой остановила кучера:

– Домой, Кубир, домой, а не к госпоже Торвиль!

Кучер попытался было возразить, плел что-то про опасность и запрет хозяина, но Терри раздраженно прикрикнула на него, обозвав олухом, и велела выполнять ее приказы, пока он еще работает на нее.

Вжав голову в плечи и понурившись, Кубир подчинился, уныло прикидывая, кто рассчитает его первым: суровый хозяин, когда выйдет из тюрьмы, или молодая хозяйка.

А Терри, подъехав к дому и ощутив необыкновенный прилив щемящей печали, уже и думать забыла о своих угрозах. Она была на грани того, чтобы впасть в отчаяние.

Дом был совершенно пуст, заперт и даже опечатан, но Кубир знал, где хранится ключ от хода для слуг: в бытность обитаемым, особняк никогда не запирался днем, однако ночью некоторые слуги частенько задерживались и по негласной договоренности держали запасной ключ снаружи, дабы

не обеспокоить придирчивого хозяина неосторожным стуком во время чересчур чуткого его сна.

Терри прошлась по пустым комнатам, с непонятым для себя волнением оглядывая вещи, знакомые ей с детства. После набега королевских солдат здесь был форменный погром, а поскольку домашних слуг выставили, прежде чем опечатать особняк, порядок никто не наводил.

И кабинет Ангира – он остался таким, каким его видела Терри в последний раз: с разбросанными по полу книгами, разлитыми реактивами, проевшими каменный пол, разорванными картами, пеплом в камине... Здесь лихорадочно собирался отец, не похожий на самого себя, зато куда более человечный, чем обычно, здесь она с ним спорила, как вздорная, себялюбивая девчонка...

Терри прикусила губу, сдерживая неожиданную, нехарактерную слезливость, потом рассеянно обернулась, услышав легкие шаги за дверью.

Но это оказался вовсе не Кубир.

Фо. Танцы на острие ножа

Удачно выпроводив сыскарей, пришедших в особняк около полудня и требовавших встречи с хозяйкой, Фо принялась скрупулезно изучать свой гардероб. Визит к Наниэну Кэмди представлялся ей делом первостепенной важности, но в каком виде к нему идти? Да и как будет выглядеть со стороны этот самый визит? Приватной беседы в доме Наниэна может не получиться: жена-сплетница, вездесущие слуги опять-таки. Вести о скандале в доме Фо наверняка уже известны, любопытства будет не избежать. Наилучшим выходом было бы оставить записку и попросить Наниэна о встрече, но тогда потеряется эффект неожиданности, на который, признаться, Фо немало рассчитывала. Что же выбрать? Терракотовое платье с отороченной мехом накидкой или строгий зеленый костюм со шлейфом и с высоким воротом, расшитым золотом?

Именно этот самый, весьма и весьма ответственный момент мучительного выбора, и выбрал Броксби, чтобы объявить о прибытии господина Рейка Орсега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.